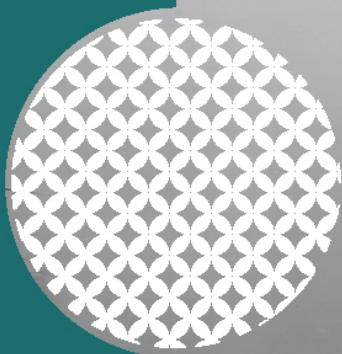

У МИН-И

ЧЕЛОВЕК
С ФАСЕТОЧНЫМИ
ГЛАЗАМИ

лучшая проза Тайваня

Лучшая проза Тайваня

У Мин-и

Человек с фасеточными глазами

«Издательство АСТ»

2011

УДК 821.581-31(529)
ББК 84(5Кит)-44

Мин-и У.

Человек с фасеточными глазами / У. Мин-и — «Издательство АСТ», 2011 — (Лучшая проза Тайваня)

ISBN 978-5-17-145159-2

Когда цунами обрушивает огромный остров из мусора на побережье Тайваня два очень разных человека – изгой из мифической страны и женщина на грани самоубийства – оказываются связаны так, как они никогда не могли себе представить. С историей их дружбы переплетаются жизни других людей, пострадавших от цунами, – от защитников окружающей среды до коренных народов Тайваня – и, конечно же, таинственного человека с фасеточными глазами. Это произведение лирической красоты, сочетающее в себе фантастику, реальность и антиутопическую сагу об окружающей среде.

УДК 821.581-31(529)

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-17-145159-2

© Мин-и У., 2011

© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Тому, с кем я говорил у огня, – читателю русского издания	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	13
Часть вторая	20
Глава 4	20
Глава 5	28
Часть третья	39
Глава 6	39
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

У Мин-и Человек с фасеточными глазами

Wu Ming-Yi

The man with the compound eyes

© Wu Ming-Yi, 2011

© В. Андреев, перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Wing above wing, flame above flame

«...крыло к крылу, сияние к сиянию...»¹

To Some I Have Talked with by the Fire.

W. B. Yeats

Тому, с кем я говорил у огня.

У. Б. Йейтс

---

¹ Перевод В. А. Савина приводится с изменениями.

Тому, с кем я говорил у огня, – читателю русского издания *У Мин-и*

Когда я узнал от своего агента о предложении издательства АСТ перевести «Человека с фасеточными глазами», то в глубине души испытал легкое удивление и радостное волнение.

Пожалуй, среди людей пишущих и читающих вряд ли найдется хоть один человек, на которого не повлияла бы русская литература. В моей молодости многие книги были запрещены властями, но все-таки можно было читать Федора Михайловича Достоевского, Льва Николаевича Толстого и Антона Павловича Чехова. Во всех тайваньских книжных магазинах их переводы (видимо, об авторских правах и речи не шло) стояли на полках с надписью «Великие произведения». Для меня эти русские писатели золотого века, несомненно, составили благодатную среду, питавшую мои скудные представления о литературе.

Среди них Чехов до сих пор продолжает вдохновлять меня. Когда в университете я преподавал писательское мастерство, его тексты служили мне самой главной Книгой Истоков.

«Человека с фасеточными глазами» я начал писать в 2005 году. В интернете я наткнулся на одну интересную новость на английском языке. В ней говорилось о том, что в Тихом океане образовался неслыханных размеров мусорный водоворот, который медленно смещается, однако ученые так и не придумали, как решить эту проблему. Иногда на лоне природы, иногда в каких-нибудь маленьких городках, иногда на берегу моря, не знаю, почему, но этот никогда не виденный мной образ острова в Тихом океане, составленного из брошенных людьми вещей, не выходил у меня из головы. Постепенно на острове, который я стал себе представлять, появился юноша, и я дал ему имя Ателей. Через некоторое время я решил, что он родился в дальнем уголке Тихого океана на острове, о котором практически никому ничего неизвестно.

В один прекрасный день я придумал название для острова, и он стал островом Ваю-Ваю. Таким образом роман и начался.

В отличие от прежних романов, извлеченных из закутков памяти в прошлом, никакие персонажи в этом романе не были определены заранее, и никакие события не принадлежали исключительно моей собственной памяти. Когда я заканчивал ту или иную часть, то история останавливалась до тех пор, пока не возникал другой персонаж и не говорил мне, в каком направлении будет развиваться сюжет. У меня не было намерения вплетать реальность в ткань повествования романа. Когда я писал, то просто использовал все, что было у меня в голове, чтобы найти путь для продолжения истории.

Вот так роман с перерывами писался три года. Позднее я занялся научной работой и по этой причине поехал на западное побережье, где и завершил эту историю о восточном побережье Тайваня и острове в Тихом океане.

Когда я начинал писать роман, то принимал активное участие в экологическом движении, поэтому у меня была возможность каждый день достаточно глубоко размышлять над тем, как маленький остров оказывается один на один с «природой», особенно такой остров, как Тайвань, чьи ресурсы весьма ограничены. На мой взгляд, если этот остров потеряет свою красоту, это, быть может, обогатит его жителей, но духовно они сделаются сиротами, потому что многие воспоминания и культурный опыт на острове берут свое начало в природном ландшафте, совсем как культура России связана с русской природой.

Несколько лет назад на проходящем во Франции литературном фестивале «Атлантида» у меня состоялся диалог с российским писателем Михаилом Тарковским. В ходе дискуссии выяснилось, что его дядя – великий русский режиссер Андрей Тарковский.

Передо мной предстал господин Тарковский: в джинсах и удобной куртке, рослый человек, от которого веяло дыханием леса. Когда его представляли, то упомянули, что он охотник, рыбак и зоолог, писатель и поэт, а большинство его произведений написаны в отчетливо реалистической манере. В них он рассказывает о своем опыте охоты в холодной Сибири.

В тот раз был задан вопрос о вымысле и реальности, о том, можно ли сравнить писателя с чародеем? Он ответил, что реальность природы превосходит действительность, и то, что являет нам мир природы, – не магия, а сила. В этом мы, не сговариваясь, пришли к единому мнению. Я упомянул, что Тихий океан или высокие горы на Тайване вообще не имеют индивидуальности. Они не поддаются никакой характеристике. Попытки описать природный ландшафт, который не обладает фиксированным образом, но при этом вскармливает и забирает жизни людей, – такие попытки и составляют очарование литературы.

Сидя по другую сторону от ведущего, он в ответ поднял в полусгибе руку, сжатую в кулак, – «но пасаран!».

Для первого издания романа в 2011 году я написал послесловие, уподобив эту книгу тем историям, которые рассказывают, сидя у затухающего камина, для небольшого круга собравшихся у огня слушателей. Огонь отражается в глазах у одних, у других по щекам скользят красноватые отблески, кто-то уже задремал, прислонившись к стене, у кого-то на глаза медленно наворачиваются слезы с кончик булавки, а кто-то, в конце концов, в определенный момент встает, открывает дверь и уходит. За дверью накрапывает не большой и не маленький дождь, такой, как на гравюрах в японском стиле укиё-э – прямые линии дождя.

Надеюсь, что этот роман сможет донести до тех, кто будет читать его по-русски, культурный опыт «далеких островных стран», оказавшихся перед лицом сил природы.

И наконец, мне хотелось бы поблагодарить издательство АСТ, а также Виталия Андреева, взявшегося за перевод романа. Он серьезно подошел к делу, не поленившись обсудить со мной некоторые вопросы по электронной почте. Это переводчик, влюбленный в горы и культуру коренных народов Тайваня. Благодарю также Отдел культуры тайваньского представительства в России и работающих в нем сотрудников Министерства культуры Китайской Республики за их усилия по продвижению тайваньской литературы.

Часть первая

Глава 1 Пещера

Посреди шума воды, журчащей в расщелинах, гора вдруг издала чудовищный, но как будто отдаленный звук.

Все затихли.

Последовал громкий крик Ли Жун-сяна. Это были не потоки воды, нет; и даже близко не напоминало катящиеся камни или разломы глубинной породы, звук был другой. Это было не эхо. Скорее было похоже на то, как будто совершенно ровная стена из стекла испытала какой-то внезапный удар, на первый взгляд не вызвавший видимых повреждений, но, на самом деле, уже доносится еле слышимый шорох расходящихся во все стороны крохотных трещин. Правда, тот звук в одно мгновение пропал, и все, кто были ниже под землей или в диспетчерской, теперь слышали лишь дыхание друг друга, да еще «ш-ш-ш-ш-ш-ш» – шипение рации.

Детлеф Болдт протяжно выдохнул и произнес по-английски с сильным акцентом: – Вы только что слышали какой-то звук?

Никто не ответил, хотя все слышали, но только не знали, как объяснить. И тут полностью отключилась система электроснабжения, и пещера, скрытая в глубине горного массива, вдруг погрузилась во тьму. Никто не видел перед собой ничего, кроме непроглядной мглы. В следующее мгновение тот звук возник вновь, словно внутри горы было какое-то исполинское существо, и оно то ли приближалось, то ли удалялось.

– Тихо! Тихо все! – Ли Жун-сян намеренно понизил голос, чтобы звуковая волна не вызвала вибрацию и не привела к обвалу. Но, вообще-то, все уже и так смолкли.

Глава 2

Ночь Ателея

Островитяне на Ваю-Ваю полагают, что мир – это остров.

Остров лежит посреди безбрежного моря, так далеко от большой земли, что в памяти островитян никто из соплеменников, однажды покинувших остров, больше никогда не возвращался с известиями о материке, хотя прежде и появлялись белые люди. Ваювайцы верят, что в начале было море, а Кабáн (что означает «бог» на ваювайском языке) сотворил этот остров для них, словно положил малюсенькую пустую раковину в огромную чашу с водой. Остров Ваю-Ваю дрейфует в море по воле приливов и отливов, и всю пищу ваювайцы добывают в море. Но есть пища, в которую воплотился сам Кабáн, например, в *асаму*, рыбу с черными и белыми полосками, которую Кабáн посылает, чтобы, когда нужно, высматривать и испытывать людей. Так они пришли к выводу, что эту рыбу нельзя употреблять в пищу.

«Если по неосторожности съешь эту рыбу, то вокруг пупка вырастет чешуя, и всей жизни не хватит, чтобы ее содрать». Подпрыгивающей походкой, опираясь на служащую посохом китовую кость, Кудесник моря каждый вечер усаживается под деревом и принимается пересказывать детям истории о море, какие только есть на острове Ваю-Ваю: и как солнце тонет в море, и о том, как дети, становясь девушками и юношами, проходят обряд совершеннолетия. Все его слова пропитаны морем, и дыхание источает солоноватый аромат.

– А что делать, если чешуя вырастет? – спрашивает кто-то из ребят. Здешние дети с огромными, как у ночных животных, глазами.

– Эх, дитя мое, люди не могут обрасти чешуей, как морские черепахи не могут спать брюхом кверху.

На другой день Кудесник моря ведет детей туда, где в низине между двух выступов растет *акаба*, что значит «похожее на ладонь растение». На острове совсем мало растений, дающих крахмал, и *акаба* как раз одно из них, его заросли точно бесчисленное количество рук, обращенных к небу в молитве. Так как остров слишком маленький, а никаких орудий труда на нем нет, островитяне просто обкладывают землю камнями, защищая высаженные растения от ветра и поддерживая влажность почвы. «Надо с любовью возделывать землю, земля – самое дорогое, что есть на Ваю-Ваю, совсем как дождевая вода и женское сердце». Кудесник моря учит детей, как выкладывать камни, его кожа похожа на растрескавшуюся глину, спина выгнута, как холм: «На свете, дети, следует доверять только Кабáну, морю и земле».

На юго-востоке от острова расположена лагуна, окруженная атоллоподобным рифом. Это удобное место, где островитяне ловят рыбу маленькими сетями и собирают ракушки.

На северо-востоке, в «десяти кокосовых орехах» от острова (то есть на удалении десяти бросков кокосовыми орехами) есть коралловый риф. При отливе он весь показывается из-под воды, и туда слетаются морские птицы. Из веток одного дерева островитяне делают приспособление для ловли птиц, называемое *кувана*. С виду *кувана* кажется обычной заостренной палкой, но на тупом конце островитяне проделывают отверстие, через которое продевают веревочку, свитую из дудника. Ваювайцы берут *кувану* и на лодке-однодеревке подплывают к коралловому рифу, а потом по течению делают круги вокруг него. Они специально не смотрят на птиц, про себя молятся Кабáну, а когда лодка приближается к птицам, то одним резким движением бросают *кувану*. Веревочка, с благословения Кабáна, захватывает птицу за шею, и остается только повернуть руку, чтобы острым концом *куваны* умертвить птицу, после чего из *куваны* льется кровь, будто ранена была не птица, а палка. Альбатросы, олуша, фрегаты, буревестники, чайки размножаются, сопротивляясь *куване*, весенней порой выют гнезда на острове и откладывают яйца. Так что в это время люди ваюваю каждый день едят яйца, при этом на лицах у них жестокие, но довольные улыбки.

Как бывает на всех островах, на Ваю-Ваю часто ощущается нехватка пресной воды, хотя есть дождевая вода и озеро в центре острова. А так как птица и рыба, в основном употребляемые в пищу, содержат много соли, островитяне выглядят и смуглыми, и худыми, нередко страдают от запоров. Ваювайцы испражняются ранним утром, сидя спиной к морю у выкопанной рядом с домом выгребной ямы, и у многих от чрезмерных усилий на глазах выступают слезы.

Остров совсем не большой, если судить по тому, что обойти его вокруг можно, отправившись после завтрака и вернувшись чуть позднее обеденного времени. И именно потому, что остров невелик, островитяне привыкли оценивать текущий момент приблизительно, говоря «лицом к морю» или «спиной к морю», ориентируясь при этом на гору-коротышку в самом центре острова. Они разговаривают лицом к морю, принимают пищу спиной к морю, приносят жертвы лицом к морю, занимаются любовью спиной к морю, чтобы не разгневать Кабана.

На острове Ваю-Ваю нет вождей, есть только «старцы», и самого мудрого из них они называют «подобный-морю-старец». Жилище, в котором живет «подобный-морю-старец», входом обращено к воде, и напоминает перевернутую лодку, с обеих сторон украшенную раковинами и резьбой, по бокам обклеенную рыбьей кожей, а перед входом островитяне строят для хозяина жилища стену из подводных камней, преграждая путь ветру.

Островитяне не могут найти «места, где не было бы слышно моря», не могут сказать фразу, в которой не упоминалось бы море. Когда по утрам они встречаются друг друга, то говорят: «Сегодня выходишь в море?» Днем спрашивают: «Не хочешь ли выйти в море попытать счастья?» И даже если сегодня слишком большие волны, чтобы выйти в море, вечером при встрече обращаются к другому с такими словами: «Чуть погода послушаю твою историю о море».

Каждый день островитяне отправляются в море на лов рыбы, и если кто увидит, то с берега громко кричит: «Не дай *монá* забрать у тебя имя!» *Монá* значит «волна». Обычно при встрече приветствуют друг друга так: «Какая сегодня погода на море?» И даже если на море сильно штормит, другой человек обязательно отвечает: «Очень ясная». Язык ваювайцев по своей интонации напоминает крики морских птиц, резкие и звонкие; он сродни трепетанию крыльев, дрожанию перьев в их складках, а каждая фраза завершается конечным звуком, как будто птица разбивает волну, опускаясь на воду.

Иногда ваювайцам не хватает пропитания, иногда из-за плохой погоды они не могут выйти в море, иногда между двумя племенами возникает конфликт, но что бы ни случилось, каждый островитянин способен замечательно рассказывать всевозможные истории о море. О море говорят во время еды, говорят во время встречи, говорят во время ритуальных обрядов, говорят во время любовных игр, говорят даже во сне. Хотя и не делалось каких-либо полноценных записей, но через много лет, быть может, антропологи узнают, что остров Ваю-Ваю – место, где собрано больше всего историй о море. У каждого островитянина излюбленной присказкой стали слова: «Я тебе расскажу одну историю про море...» Островитяне никогда не спрашивают другого человека о возрасте; они рослые как деревья; подобно цветам, выпячивают свои гениталии; как устрицы, настойчиво следят за течением времени; точно черепахи, умирают с улыбкой на устах.

Если на острове Ваю-Ваю рождается мальчик, отец выбирает для него дерево, и каждый раз, когда луна умирает и рождается вновь, делает одну зарубку. После ста зарубок мальчик должен соорудить свою *талаваку*. Несколько лет назад единственный антрополог, живший некоторое время на острове, англичанин Тедди, сделал запись о том, что *талавака* – это лодка-однодеревка. На самом деле это не так, скорее это камышовая лодка. Ведь остров не такой большой, на нем мало достаточно толстых деревьев, чтобы можно было изготовить лодку-однодеревку. Получается, что эта запись Тедди – не более чем анекдот в истории антропологии, однако это совсем не бессмысленный анекдот, так как любой человек, увидевший *талаваку*, решил бы, что эта лодка выдолблена из дерева. Ваювайцы сначала собирают кору деревьев,

лианы и три-четыре вида камыша для того, чтобы сделать каркас, а потом смешивают растительные волокна с водой, растирают их до получения волокнистой массы, заливают ею каркас, повторяют так три раза; после этого оставшиеся щели замазывают торфянистым грунтом, который берут в низинах, а снаружи обмазывают лодку древесным соком, делая ее водостойкой. Выглядит *талавака* такой же прочной и совершенной, как если бы была выдолблена из ствола одного большого дерева.

Сидящий сейчас на берегу юноша – обладатель самой красивой и прочной *талаваки* на всем Ваю-Ваю. В его внешности соединились самые характерные для людей ваюваю черты: плоский нос, глубоко посаженные глаза, кожа цвета солнца, тоскливый изгиб спины, стрелоподобные руки и ноги.

– Ателей, не сиди там, морской дьявол тебя увидит! – закричал юноше проходящий мимо старик.

* * *

Раньше Ателей, как и остальные ваювайцы, считал, что мир – это остров, дрейфующий в море, точно пустая раковина.

Строить *талаваки* Ателея научил отец, и соплеменники расхваливали юношу за то, что он научился мастерить *талаваки* лучше всех своих ровесников, даже лучше старшего брата Наледы. Несмотря на юный возраст, Ателей, когда нырял, мог за один раз поймать три золотых макрели, и телосложением более всего годился для того, чтобы стать рыбой. Все девушки на острове были тайно влюблены в Ателея, и каждая мечтала о том, как он однажды остановит ее и понесет в густые заросли травы, а после третьего полнолуния, когда станет понятно, что она ждет ребенка, она тайком скажет об этом Ателею, вернется домой и, как ни в чем не бывало, будет дожидаться, когда он, неся нож из китовой кости, придет свататься. Возможно, первая красавица на острове, девушка по имени Расула тоже об этом мечтала.

«У Ателея судьба младшего сына, а младший сын, даже если умеет хорошо нырять, то не пригодится, ведь младшие сыновья нужны богу моря, а не острову», – так часто говорила мать Ателея разным людям. Те понимающе кивали, поскольку нет ничего более горестного для ваюваю, чем вырастить незаурядного младшего сына. Мать Ателея говорила об этом утром, говорила об этом вечером, ее толстые губы подрагивали, как будто своими долгими разговорами она могла помочь ему избежать судьбы младшего сына.

За исключением тех случаев, когда старший сын погибает в молодом возрасте, младшие сыновья на острове Ваю-Ваю почти никогда не женятся и не становятся «подобными-морястарцами». Всё потому, что с наступлением сто восьмидесятого полнолуния после своего рождения на младших сыновей возлагается миссия отправиться в плавание, из которого не возвращаются. С собой позволено взять запасы воды только на десять дней, поворачивать назад строго запрещено. Оттого на острове Ваю-Ваю существует поговорка, которая звучит так: «Видно будет, когда вернется ваш младший сын». Значение ее простое: чему не бывать, тому не бывать!

Ресницы Ателея мерцают, все тело обсохло от морской воды и блестит кристалликами соли, будто Ателей – сын морского бога. Уже завтра он должен будет выйти в открытое море на *талаваке*, а пока он забрался на самую высокую скалу и смотрит вдаль, как одна за другой набегают волны, неся с собой белые складки, как летают у берега водяные птицы. Ему вспоминается легкая, точно тень парящей птицы, Расула, и кажется, что уже миллионы лет волны бьются о собственное сердце и вот-вот разобьют его на кусочки.

Когда стемнело, девушки, страстно желавшие Ателея, спрятались в засаде согласно обычаю. Как только он оказывался рядом с зарослями травы, ему тотчас же преграждали путь. Он всё время надеялся, что из травы к нему выйдет Расула, но она так и не появлялась. Ателей

снова и снова занимался любовью с разными девушками в разных зарослях. Это было то, что он мог оставить острову напоследок. Если встречаешь девушку, которая влечет тебя в заросли травы, то ты должен заниматься с ней любовью, таковы законы ваювайцев, таковы нравы ваювайцев, к тому же это последняя возможность, чтобы оставить на Ваю-Ваю своих потомков. И лишь в ночь перед тем, как младший сын выйдет в море и навсегда покинет остров, девушки могут сами устроить засаду своему возлюбленному. Ради того, чтобы приблизиться к зарослям травы у дома Расулы, Ателей продолжал изо всех сил заниматься любовью, и делал это не из плотского удовольствия, – он хотел до рассвета оказаться рядом с жилищем Расулы, ведь у него было предчувствие, что он встретит ее. Все другие девушки чувствовали, что хотя Ателей входил в них, но спешил покинуть их тело, и печально спрашивали:

– Ателей, почему ты меня не любишь?

– Ты же знаешь, человеческим чувствам не совладать с морем.

Только когда небо посветлело так, что цветом стало походить на рыбий пузырь, Ателей добрался до жилища Расулы, и протянутые из зарослей травы руки увлекли его к себе. Ателей дрожал, точно забившаяся в скалы и прячущаяся от молнии морская птица, у него почти не было эрекции, – не из-за усталости, а потому, что, взглянув в глаза Расуле, он почувствовал, точно его сердце ужалила медуза.

– Ателей, почему ты меня не любишь?

– С чего ты взяла? Человеческим чувствам не совладать с морем.

Они долго-долго обнимались, и Ателей с закрытыми глазами видел, будто бы парил в воздухе и свысока смотрел на бескрайнее море. Постепенно его тело проснулось, он попробовал забыть о том, что скоро надо выходить в море, он хотел только, пока твердый, почувствовать внутреннюю теплоту тела Расулы. Как только рассветет, люди всем селением придут на берег бухты проводить его. А этой ночью, кроме Кудесника моря и Кудесника земли, никто из островитян и не догадывается, что души всех покинувших прежде остров младших сыновей возвратились. Они будут сопровождать Ателей, чья блестящая кожа делает его похожим на сына морского бога, когда он будет вести сделанную своими руками *талаваку*, взяв с собой подаренную Расулой «говорящую флейту», в плавании к общей судьбе всех младших сыновей.

Глава 3

Ночь Алисы

Проснувшись утром, Алиса решила, что покончит с собой.

Вообще-то она уже приготовила всё, что для этого нужно. Может, и не стоит так говорить, но саму Алису уже ничего не держало, и больше не было никаких вещей, которые надо было кому-то отдавать. Остался только человек, ищущий смерти, только и всего. Просто ищущий смерти человек, без какого-либо имущества, стоящего упоминания.

Но Алиса – человек упрямый, она чувствует себя в ответе за всех тех, о ком заботится. И на свете еще остаются вещи и люди, которых она принимает близко к сердцу: Тото и возлагающие на нее свои надежды студенты. Раньше она ясно представляла, что необходимо ей в будущем, но теперь ни в чем не осталось никакой ясности.

Сначала Алиса подала заявление об увольнении, отнесла в отдел кадров своё служебное удостоверение, и наконец-то глубоко, с облегчением вздохнула. Это был не обычный вздох, скорее вздох человека, натерпевшегося страданий в прошлой жизни и в конце концовждавшегося перерождения, получившего шанс начать жизнь сначала. В молодости Алиса хотела стать писательницей и пошла в магистратуру на литературоведение, потом успешно получила место преподавателя. Ее слабая и чувствительная натура вполне соответствовала стереотипам о литературе, бытующим в консервативном тайваньском обществе. Многие завидовали ей, ведь она выбрала самый стабильный путь, занявшись изучением литературы. Лишь одна Алиса знала, что все эти годы ей не то что стать хорошей писательницей, но даже и подышать воздухом литературы не удавалось. Обязанности на факультете и научная работа отнимали так много времени, что у нее не хватало времени писать. Каждый день она возвращалась из своего рабочего кабинета домой уже на рассвете.

Она раздарила все книги и вещи, которые были у нее в кабинете, студентам. Стараясь не давать волю эмоциям, она встречалась за обедом или ужином с каждым из студентов, у кого была научным руководителем, говоря им слова прощания и напутствия. Сидя в университетском ресторане, где готовят отвратительную стряпню, смотрела в глаза каждого из них.

«Как они молоды!» – думала она.

Эти дети еще воображают, что жизнь изменится и за дверью их ждет какое-то волшебное место, но, по сути дела, внутри ничего нет, только пустота, всего лишь заваленный всяким хламом подвал. Она изо всех сил старается, чтобы ее взгляд излучал хотя бы чуточку тепла, чтобы они думали, что она слушает их, проявляет к ним неподдельный интерес. С точки зрения Алисы, сейчас просто воздух то входит, то выходит из брэнного тела, а все слова как камни, которые бросают в пустой дом без единого окна. Иногда промелькнет какая-нибудь мысль, в основном воспоминания, связанные с Тото, или один из возможных способов покончить с собой.

Размышления об этом кажутся ей излишними, ведь прямо перед домом океан, разве не так?

С коллегами Алиса не прощалась. Она все время боялась, что в болтовне с ними ползет наружу вся та мрачная мизантропия, что пустила корни внутри нее. Ведя машину через города и поселки, она вдруг заметила, что пейзаж практически не изменился за десять с лишним лет, когда она впервые оказалась здесь. Единственное различие заключалось в том, что теперь эти долины и поселки уже потеряли для нее ту, прежнюю привлекательность. Массивные кроны деревьев, внезапно сгустившиеся тучи, гофрированные крыши домов, пошлые вывески с трескучими фразами, на одном участке дороги вот-вот покажется совсем пересохшее русло реки... Все те вещи, которые сначала казались такими приветливыми, теперь захирели, стали фальшивыми, потеряли всякую связь с собственным «я». Она вспоминает свой первый год на востоке

Тайвань, тогда заросли кустарника и другая растительность по обеим сторонам дороги росли совсем близко к людям, пейзаж не таился, и звери были не слишком пугливы, а теперь вот дорога отодвинула горы и море куда подальше.

Алиса думала о том, что эти места изначально принадлежали коренным жителям, потом японцам, потом китайцам, туристам, а сейчас принадлежат неизвестно кому, может быть, тем, кто покупает землю, чтобы построить домик в деревне, избирает разжиревшего до мозга костей главу уезда, и в конце концов добивается открытия нового шоссе? После строительства шоссе берега моря и склоны гор заполнили всевозможные экзотические постройки, причем ни одно здание не выглядит настоящим, прямо какой-то шуточный парк культуры народов мира. Но эти богатые владельцы обычно появляются только по праздникам, оставляя всюду брошенную невозделанную землю да пустующие дома. Некоторые местные интеллектуалы все время с охотой разглагольствуют о том, что уезд Х. – Чистая Земля² Тайваня. Когда она слышит эти дешевые клише о чувстве принадлежности к земле, то про себя всегда думает об архитектуре и инфраструктуре города и уезда Х. За исключением нескольких выставленных напоказ хижин коренных народов и зданий, возведенных во времена японского правления³, большинство ландшафтов, созданных руками человека, кажется, были придуманы нарочно, чтобы пейзаж испортить.

Как-то раз на конференции во время обеденного перерыва коллега профессор Ван пустился в рассуждения, мол, «земля в уезде Х. ластится к человеку», и прочая фальшь в таком роде. Алиса не выдержала и сказала:

– А тебе не кажется, что тут полным-полно всяких поддельных сельских домов, поддельных гестхаусов, даже в садах этих сельских домов деревья какие-то ненастоящие, разве ты не видишь? Эти дома, тоже мне, ластятся к фальшивым людям, которые без ума от всего этого, ну а дальше что?

Профессор Ван тут же замялся, вдруг забыл, что с младшей коллегой надо держать позу опытного профессора. Его глаза-щелки, седая грива и лоснящееся лицо делали его более похожим на бизнесмена. По правде говоря, иногда Алиса действительно не могла понять, в чем разница. После долгой паузы он наконец-то пришел в себя:

– Предположим, ты права, а как должно быть по-настоящему?

Как должно быть по-настоящему? Алиса вела машину, ломая голову над этим вопросом.

Был апрель, отовсюду веяло сыростью и томностью, было похоже на запах плотской любви. Алиса смотрела направо, на высокие горы, ставшие настоящим символом острова – Центральный горный хребет. До сих пор она иногда, нет... Каждый день она вспоминает, как Тото в машине высовывался из люка и глядел на горы... На нем была камуфляжная кепка, вылитый маленький солдат. В памяти он иногда в ветровке, иногда без, иногда машет рукой, иногда не машет. Она представляет, что тогда он ногами даже продавил кресло. Это последний образ Тото и Якобсена у нее в памяти.

Когда Алиса потеряла связь с мужем и сыном, Даху́ был первым, кому она позвонила и попросила помочь. Он много раз ходил вместе с Якобсеном в горы, а еще состоял в местной бригаде спасателей и прекрасно знал окрестные горы.

– Это всё из-за Якобсена, это всё из-за Якобсена! – взволнованно твердила она Даху́.

– Спокойно! Если они еще в горах, я их найду, – успокаивал он ее.

Том Якобсен приехал на Тайвань из Дании, где нету ни одной приличной горы, одни холмистые равнины, вот он почти сразу и помешался на походах в горы. После того, как походил

---

² В одноименной школе буддизма так называется рай, управляемый буддой Амитабхи. Здесь и далее – прим. переводчика.

³ Тайвань был колонией Японии с 1895 по 1945 год.

вместе с Даху по особым маршрутам, он отправился за границу участвовать в тренировках для альпинистов по подъему на семитысячники и выше, потом даже на Тайвань стал редко приезжать. Алиса понимала, что стареет день за днем, и у нее почти не оставалось сил на случай, если однажды Якобсен больше не вернется. Тем более что даже когда он был рядом, то все время косился в сторону, куда-то вдаль.

Может быть, поэтому Алиса последнее время сначала вспоминала о Тото, затем о Даху, и только потом о Якобсене. Нет, она и не слишком-то вспоминала о Якобсене. Он не в меру самонадеянно считал себя знатоком гор, забывая о том, что в своей стране никаких гор сроду не было. Как он, вообще, мог так сделать? Как он мог взять в горы сына и не вернуться с ним обратно? А еще она часто представляла, что было бы, если бы в тот день Якобсен заболел, забыл зарядить аккумулятор в машине, если бы он просто проспал... Всё было бы по-другому.

– Не волнуйся, всего-то едем за насекомыми. Понятное дело, я не буду ходить с ним туда, где опасно, – так Якобсен успокаивал Алису, правда, она уловила нетерпеливость в его словах. – К тому же все хорошо знают дорогу.

Многим не верилось, что Тото в свои десять лет уже стал настоящим профессиональным скалолазом и совершал восхождения, при этом о горах он знал даже больше, чем какой-нибудь выпускник профильного вуза. Тото был с горами «на ты», был их частью, тем более она, насколько могла, не мешала Тото делать то, что ему по-настоящему нравилось. Наверное, как говорит Даху, у судьбы свои резоны, и судьба сама выбирает момент, точно стрела находит горного кабана.

Даху был близким другом Алисы и Якобсена, водителем такси и членом бригады спасателей, скульптором-любителем, лесником и волонтером разных неправительственных организаций, работающих на восточном побережье. Как все бунун⁴, Даху был коренастый, зато глаза у него были более чем очаровательные. Когда с ним разговариваешь, ни в коем случае нельзя смотреть ему прямо в глаза, а то начинает казаться, что он в тебя влюблен или, чего доброго, сама в него влюбилась.

Несколько лет назад от него ушла жена, оставив дочь Ума́в и записку, в которой ничего толком не объясняла, только перечисляла, сколько забрала денег, какие взяла вещи, и нарочно приписала покрупнее: «ЭТО ВСЕ МОЕ ПО ПРАВУ». Ума́в была одним из пунктов в списке имущества, причитающегося Даху, точно передаваемое из рук в руки домашнее животное. Одно время Даху из лучших побуждений просил Ума́в пожить несколько дней у Алисы, но понял, что ей это никак не помогает от хандры, наоборот, двойная хандра Алисы и Ума́в тянет их куда-то еще глубже. Пока в какой-то момент Алиса не заметила, что сама за целый день не сказала Ума́в ни слова, а та устала в одну точку, глядя куда-то в сторону моря, и без конца то скрепляет прядь волос на лбу заколкой, то распускает челку, потом опять скрепляет, но все тщетно, как будто никак не может найти подходящее место для заколки. В общем, Алиса попросила Даху больше не привозить к ней дочку. А после того как поисковую операцию приостановили, она перестала отвечать на регулярные звонки Даху, пытавшегося как-то ее утешить.

Алиса твердо решила жить так, как будто отгородилась от мира стеной, и ее единственным желанием стало погрузиться в сон. Хотя во сне глаза и закрыты, но бывает, что видишь даже больше. Сначала она «старательно» медитировала перед сном, чтобы ей приснился Тото, а потом изо всех сил пыталась запретить себе его видеть. И Алиса заметила: когда она не видела Тото во сне, ее боль становилась еще более невыносимой, чем в те дни, когда он снился ей, но, проснувшись, она не находила его рядом. Иногда, проснувшись среди ночи, Алиса с фонариком в руках пробиралась в комнату Тото, по старой привычке, чтобы проверить, без-

---

⁴ Один из 16 коренных народов Тайваня. Селения бунун расположены высоко в горах на юго-востоке острова.

мятежно ли, ровно ли дышит он, спящий где-нибудь не на кровати. Память – все равно что мощный боксер, бьющий с налету так, что не увернешься. Иногда Алисе хотелось бы, чтобы у нее вспыхнуло либидо, ведь всякий, кто когда-то был молодым, знает, что оно помогает лучше всякого антидепрессанта. Либидо лишает воспоминания силы, всё внимание концентрируется только на здесь и сейчас. Но к Якобсену, который ей снится, она больше не испытывает никакого влечения. Он всегда в правой руке держит ледоруб, его левая рука срослась с отвесной скалой, и он изо всех сил колотит ледорубом по своей левой, не говоря при этом ни слова. Всякий раз стараясь удержать образы, открывшиеся ей во сне, она звонит в полицию, чтобы узнать, нет ли новостей о Тото. «Нет, профессор, если что-то будет, мы сами с вами свяжемся». Ей кажется, что прежнее горячее сочувствие сотрудников полиции теперь сменилось на полное отсутствие какого-либо сочувствия. Отвечать ей по телефону – для них это всего лишь текучка, и за спокойной интонацией порой скрывается отвращение. «Опять эта тетка звонит, надоела до смерти!» Положив трубку, они так говорят коллегам, думала Алиса.

В этом апреле дождь лил не переставая, вдобавок установилась еще и аномальная жара. По вечерам под светом фонарей повсюду валялись жуки – золотистые бронзовки. Оглушенные столкновением, они не могли перевернуться. А прямо сейчас один жук попал за лобовое стекло в западню, и всю дорогу Алиса слышит его «тук-тук-тук» по стеклу. Она и так уже открыла все окна, а он никак не может найти выход. Долбится и долбится, блестят густо-синие надкрылья.

За эти месяцы Алиса поняла, как сильно зависела от Тото: это благодаря ему она помнила, что каждое утро надо завтракать, вовремя ложиться спать, учиться готовить. Алиса научилась быть осмотрительной, потому что если сама в безопасности, то и ребенок в безопасности. Выходя на улицу, приходилось волноваться из-за этих чертовых пьяных водителей, ведь они могут прямо на пешеходном переходе разнести на кусочки теплое мальчишеское лицо. Еще она должна была беспокоиться о других детях в школе, даже об учителях, потому что очень часто бывает, что самые близкие к ребенку люди оказываются способны на невообразимую жестокость. Алисе вспомнилось, как в детстве она вместе с одноклассницами изо дня в день третировала девочку, вечно носившую нестиранную одежду. Насмехались, издевались над ней, мазали ее и без того грязную одежду соевым соусом от свиных ребрышек из домашних обедов, будто хотели на этом фоне подчеркнуть чистоту собственной одежды.

Когда машина проезжала по мосту, пару лет назад смытому наводнением и перестроенному километра на три ближе к горам, раздался гудок клаксона, и Алиса сразу же перенесла все внимание на дорогу.

Спустя несколько минут Алиса вырулила к некогда самому знаменитому району побережья в уезде Х. Много лет назад большая корпорация выскоблила часть горы, заменив ее парком развлечений, и при поддержке замешанного в разных коррупционных делах главы уезда продолжила рыть землю на соседних склонах. Однако больше девяти лет назад случилось мощное землетрясение, и практически все здания сместились так, что их больше нельзя было использовать. Компания-застройщик объявила о банкротстве, чтобы избежать выплаты компенсаций, к тому же за последние несколько лет уровень моря стал повышаться, линия побережья продвинулась вглубь территории. Вдали виднелись еще не взятые под снос колеса обозрения и опоры канатной дороги, покинутые и беспомощные. На соседних прибрежных валунах (должно быть, когда-то бывших частью одной горы) расселись рыбаки, закинувшие удочки. Кораблик пришвартовался к одной из бывших опор канатной дороги. Алиса продолжала движение по Новому приморскому шоссе, построенному повыше. Вдалеке она заметила свой неповторимый дом на берегу моря. Солнечные лучи просвечивали сквозь ниточки дождя, освещая землю, и хотя дождь еще накрапывал, но за последнее время и это, считай, была уже на редкость хорошая погода.

Дом стоял прямо на берегу моря. Только вот непонятно, с каких пор море подошло так близко.

Алиса отворила уже потерявшую всякий смысл входную дверь и окинула взглядом все то небольшое, что у нее оставалось. Диван, настенный рисунок, над которым они с Якобсеном работали вместе, люстра от Микеле де Лукки⁵, когда-то живой, но уже засохший бонсай... Все вещи в доме они с Якобсеном выбирали вместе. А вот вмятинки на подушке, полотенце для лица в ванной, детские книжки на полке еще несут на себе тень Тото. И в этот момент, осматривая дом, Алиса заметила еще не убранный аквариум. В случае собственной смерти у рыб будет жалкий конец: в полном недоумении, совсем не способные сопротивляться, они так и будут беззвучно дожидаться там смертного часа. Она села на диван, и тут вспомнила о студенте по имени Микки, которому нравились аквариумные рыбки. Может быть, он захочет забрать их. Как только эта мысль пришла ей в голову, Алиса вдруг поняла, что у нее уже нет мобильного, а телефонный провод она перерезала. После долгих раздумий она решила съездить в университет, чтобы передать Микки водоросли и рыбок. Конечно, если ему нужно будет оборудование, пусть он просто все забирает себе. Алиса села в машину, и хорошо еще, что, судя по приборной панели, заряда оставалось километров на тридцать.

Алиса позвонила с кафедры Микки. Он быстро появился вместе с подругой. Они загрузились в Алисину машину. У Микки было спортивное телосложение, но смиренный и обиженный взгляд. У нее сложилось впечатление, что Микки относится к тому классическому типу студентов, которые страстно любят литературу, но обделены талантом к этому делу. Микки представил свою девушку, ее звали Сяо Цзе. Глаза озорные, средних размеров фигура вся увешана украшениями, кожа необыкновенно белая. У нее был приятный смех, но внешность ничем не отличалась от любой молодой девушки на улице. На ней были очень тугие черные джинсы. Сяо Цзе упомянула, что была на двух ее занятиях, но, каким-то странным образом, она почти не помнила, но в то же время как будто помнила эту девушку. В машине все молчали, Сяо Цзе и Микки притворялись, что разглядывают пейзажи за окном, стараясь избежать разговора с Алисой.

Все трое, не говоря ни слова, пересекли сад позади дома, и когда Алиса открыла дверь, Микки издал возглас восхищения. Он шагнул к аквариуму и склонился перед ним, положив голову на руки, с вопросом:

– Это лучеперый лопатоносик?

– Ага. – Много лет назад приятель Даху с успехом занимался аквакультурой, разводил их для восстановления популяции, и несколько штук, не отпущенных на волю, оставил Тото.

– Ух ты, в реках таких уже не увидишь! Можно мне заглянуть в этот шкафчик?

– Ага.

Микки открыл шкафчик под аквариумом и пришел в полный восторг, восклицая:

– Ого! Этот аквариум даже с системой охлаждения и регулятором щелочнокислотного баланса!

– Можешь всё забирать. – Алиса не терпит без конца восклицаний мужчин.

Микки, казалось, не мог поверить в происходящее, еще раз всё уточнил и затем набрал по мобильному однокашникам. Через некоторое время приехали трое ребят на внедорожнике, всей гурьбой засуетились и погрузили оборудование в машину. Алиса увидела, что Сяо Цзе молча рассматривает висевшие на стенах цифровые фоторамки и читает названия книг на полках.

– Можешь взять себе книгу, какая понравится.

– Правда, можно?

---

⁵ Микеле де Лукки (Michele De Lucchi, р. 1951) – известный итальянский архитектор и дизайнер, работающий в Милане.

– Возьми сразу несколько, не стесняйся. – Алиса обратила внимание, что в конце концов Сяо Цзе взяла только сборник рассказов Исака Динесена⁶, издание на датском языке. Алиса наклонила голову набок и поинтересовалась:

– Ты знаешь датский?

– Да нет, просто на память, датский ведь так необычно выглядит.

Перед тем, как вся компания села в машину, Сяо Цзе подошла к Алисе, произнесла:

– Скажите, а вы еще будете приезжать в университет?

– Наверное, нет.

– А, значит, статью можно потом вам отправить? Если нет, то ничего страшного.

Алиса кивнула, затем покачала головой. Она вспомнила эту девушку, но вспомнила безо всяких эмоций.

Микки и Сяо Цзе уехали домой. Алиса бессознательно пошла в комнату Тото и легла на кровать, запах которой был так хорошо знаком ей прежде. Теперь не нужно беспокоиться, что рыбы погибнут, можно подумать о том, как умереть самой. Но если сравнивать, то ее почти не занимает, как она сама умрет. Алиса подняла голову вверх. Она стала смотреть на потолок с картой горных маршрутов, по которым раньше Якобсен ходил с Тото. Это отец с сыном вместе нарисовали. Пока она готовила что-нибудь на кухне, они часто придумывали всякие секретные операции. Горные походы были занятием отца и сына. Как Якобсен ее ни уговаривал, но за столько лет Алиса ни в какую не соглашалась отправляться с ними в горы, так же как не хотела она и переходить в христианскую веру. «Может же каждый человек отказываться от некоторых вещей». Алиса так думала.

Алиса навсегда запомнила свой первый поход в горы. Вообще-то, говорить, что это были горы, не совсем точно. Это было всего-навсего место под названием «Храм императора» недалеко от Шицина⁷. В то время в университетах стало модно устраивать общие дружеские встречи, и однокурсники заставили Алису участвовать. Вообще-то у Алисы со спортом всегда было не очень. Первую половину пути она осилила, а вот после маленького храма приходилось лезть по веревке, карабкаться по деревьям, и в довершение всего нужно было идти по открытому горному выступу, где по обе стороны не за что было взяться. Алиса в то время стеснялась сказать, что не пойдет дальше, несколько минут с трудом продвигалась вперед, а потом ее охватил панический страх. Она не визжала и не звала на помощь ребят, как делали другие девчонки, а молча плакала. Зачем надо было идти в такое место? Она не приняла помощи от парня с интеллигентной внешностью, но пустоголового (в этом она убедилась, когда ехала с ним на мотоцикле), когда он протянул ей руку. Полусогнувшись, держась руками за колени, она повернула обратно и в одиночку вернулась. После того случая она больше никогда не ходила в горы.

На картах на потолке были нарисованы всякие разноцветные флажки, красные и синие линии маршрутов расходятся вдоль и поперек, при этом непонятно, что именно они обозначают, какие невиданные ею пейзажи? Бог знает, сколько времени они потратили на это, с какой причудливой идеи это началось. Ее взгляд следует по линиям маршрутов. Хотя она больше не ходила в горы, но часто вместе с Тото они смотрели на эту карту и планировали маршрут нового похода, словно играя в какую-то игру... Она хорошо знает эти карты, но почему-то ей всегда казалось, что эти маршруты нарисованы не совсем правильно. Правда, что именно в них неправильно, этого она навскидку сказать не могла. Алиса просто лежала на кровати и смотрела на карты, и скоро почувствовала, как у нее запестрело в глазах. Снаружи понемногу темнело, линии маршрутов на потолке медленно исчезали. Алиса вспоминала, как Тото сидел

---

⁶ Псевдоним датской писательницы Карен Бликсен (Karen Blixen, 1885–1962).

⁷ Деревня в невысокой горной местности недалеко от Тайбэя.

на высоком стуле или забирался Якобсену на плечи и рисовал карту, и наконец, потеряв чувство времени в его потоке, она погрузилась в глубокий сон.

Неизвестно, долго ли она спала, как вдруг ночью случилось довольно сильное землетрясение. Трясло так, что в каждом пробудились бы детские воспоминания. Когда землетрясение началось, Алиса еще по-настоящему не проснулась, ведь она уже долго жила в уезде Х., где землетрясения бывают слишком часто, и на ее памяти бывали и пострашнее этого. Но спустя минуту тряска продолжалась, даже серьезно усилилась, вынудив тело Алисы тотчас же рефлекторно встать с кровати и инстинктивно искать укрытия или выбежать из дома наружу. Но в следующий момент она даже улыбнулась этой мысли. С какой стати готовому к самоубийству человеку волноваться о том, что он умрет такой смертью? Алиса снова легла на кровать, и будто бы услышала доносящееся неизвестно откуда тяжелое, чудовищной силы громыхание, похожее на то, как если бы гора начала двигаться.

Это воскресило в ее памяти большое землетрясение, пережитое в детстве. В том землетрясении не погиб никто из ее родных, но оно разрушило школу, в которой она училась, и унесло жизни бывшей к ней очень доброй учительницы естествознания Линь Ли-цзюань, а еще сидевшего за соседней партой и часто угощавшего ее всякими лакомствами одноклассника в очках для дальновзорких, всегда казавшихся чересчур большими для него. За день до этого, когда класс шел после занятий, и они вместе с ним шли в одной паре, он подарил ей пять шелкопрядииков. Через пять дней после землетрясения шелкопрядиики, оставляя после себя реденький черный помет, погибли, наверное, из-за того что съели невымытые тутовые листья. Тельца шелкопрядииков все ссохлись и сморщились. Вот два самых трогательных эпизода из тех, что она помнит. Землетрясению не надо отбирать твою жизнь, чтобы ты почувствовал ужас. Ему достаточно забрать наиболее близкие тебе вещи, или сделать так, чтобы они ссохлись и сморщились.

Чудовищный грохот продолжался несколько минут, затем все опять стихло. Из-за страшной усталости Алиса снова погрузилась в глубокий сон. Когда она проснулась, еще до рассвета, шум волн настойчиво повторялся всё в том же ритме. Она встала, выглянула в окно и обнаружила, что как будто стоит на одиноком острове посреди моря, а набегающие издалека волны приносят с собой несметное количество мелкой пены, и невероятно упрямо, волна за волной, идут на сушу.

Часть вторая

Глава 4 Остров Ателей

Туман будто поднимался из недр океана, заполняя собой все вокруг, точно вездесущий Кабáн. Ателей даже какое-то время сомневался, не оказался ли он на дне морском. Он и грести перестал, ведь какой смысл грести в таком густом тумане? Прошло уже семь дней, как он покинул остров Ваю-Ваю, и он убедился, что в открытом море весло – абсолютно бесполезная вещь. Неудивительно, что островитяне, выходя в море рыбачить, определяли невидимую черту, ведь за ее пределами появлялась реальная опасность никогда не вернуться обратно. Кроме того, перед ним предстала суровая реальность: запасы еды и пресной воды исчерпаны. Хотя он понимал, что надежды уже нет, что он сам не вернется, как и все младшие сыновья с Ваю-Ваю, но его тело не потеряло надежду, а потому Ателей начал пробовать пить морскую воду.

Ближе к полуночи пошел дождь, туман с дождем размывли границу между небесами и морем, и Ателей, окруженный дождем, думал, что уже пересек Врата Моря. Как гласит предание ваювайцев, на краю дождя и тумана стоят Врата Моря, за которыми лежит «Истинный остров», где живет Кабáн и все морские божества. Остров Ваю-Ваю – всего лишь тень того острова. В обычное время «Истинный остров» покоится на дне морском и выходит на поверхность только в предначертанное судьбой время.

Ателей спрятался от дождя под сделанным им навесом из пальмовых листьев. Вода просачивалась и капала, получалось то же самое, что и снаружи. Он пробормотал себе под нос: «Большая рыба сбежала, большая рыба сбежала». На ваювайском языке это означает «ну и пусть, ну и пусть!» Хотя вслух он этого не сказал, про себя Ателей кощунственно размышлял, что море, оно ведь намного сильнее, чем бог, как же это бог может иметь власть над морем?

Под утро Ателей увидел, что его *талавака* погружается в море. Напрасно он вычерпывал воду из лодки, и лишь когда ее корпус почти затонул, бросил лодку и поплыл. Ателей считался лучшим пловцом среди юношей Ваю-Ваю: его ноги гибки, как рыбий хвост, а руки будто плавники, стремительно рассекающие морскую воду. Правда, человек в открытом море еще бесполезнее, чем медуза, и даже Ателей не был исключением. Теперь Ателей изо всех сил плыл и даже не думал сдаваться. Он напоминал упавшего в водоем муравья, не знающего ни отчаяния, ни надежды на лучшее, и только всеми движениями своего тела показывающего, на что он способен.

Хотя в мыслях Ателей допустил кощунство по отношению к Кабáну, но он по-прежнему молился: «О наш Кабáн, единственный, кому под силу осушить море! Пусть ты покинешь меня, но позволь моим останкам превратиться в коралл, и плыть к родной земле, чтобы Расула подобрала его». После молитвы Ателей потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что все еще дрейфует на поверхности моря. Кажется, он только что видел сон. Во сне он вот-вот должен был высадиться на остров. Вдалеке на берегу стояли юноши, глаза их были полны тоски, вместо рук выросли плавники, тела пестрели отметинами, точно всю жизнь терлись о прибрежные рифы. Когда его *талавака* приблизилась к ним, один из них, юноша с седыми волосами, обратился к нему со словами: «Голубой тунец на днях принес нам весть, что ты скоро достигнешь наших краев и присоединишься к нам». Другие юноши тоскливо запели песню – точно опечаленная волна набегает на берег. Поскольку эту песню поют на Ваю-Ваю, отправляясь в море, Ателей невольно стал подпевать:

Если волна ударит,
Мы песню затянем и сдержим ее.
Если поднимется буря,
То бойся, моя краса,
что мы обратимся в тунца,
обратимся в тунца.

Голоса юношей, словно звезды, утешали во тьме, словно дождь, печально проливались на водную гладь. Одноглазый юноша произнес: «Прислушайтесь, он поет не так, как мы. Эх, он поет не так, как мы, в голосе его слышно, что он застрянет на своем острове». Тут ударила волна, Ателей не устоял и выпал из сновидения.

Проснувшись, Ателей и вправду обнаружил себя застрявшим на каком-то острове. Остров этот простирался вдаль насколько хватало глаз и был не из глины, а из всякой всячины, разных необычных предметов всех цветов и оттенков, и надо всем островом висел какой-то странный запах. Солнце уже взошло. На Атеее не было ни одежды, ни украшений, их смыло волной, и он был абсолютно голый. Но больше всего его расстроило то, что он потерял бутылку вина «кича», подаренную Расулой. При мыслях о вине он почувствовал сильную жажду. Хорошо еще, что «говорящая флейта» была у него, потому что он сжимал ее в руке, даже когда был без сознания. «Здесь совсем как в мире после смерти». Так думал Ателей. Он прошелся в разные стороны и обнаружил, что остров во многих местах был не слишком прочный, кое-где мягкий, точно это была западня, а кое-где разница между погрузившимися в воду и выдававшимися над водой частями превышала рост нескольких человек.

Ателея привлекла круглая вещь: повернутая к солнцу, она нестерпимо резала глаза, переливаясь всеми цветами радуги. Взяв ее в руки и направив на себя, Ателей увидел смуглое лицо, всё в ссадинах и шрамах. Он задумался: «Разве может такая твердая вещь быть сделана из воды? Но ведь иначе как она способна отражать мой образ?»

Через некоторое время Ателей заметил, что на острове повсюду валяются мешочки всевозможных цветов. Но мешочки эти отличаются от обычных плетеных, так как внутри них может накапливаться вода. Правда, когда берешь такие мешочки, из некоторых вода с хлопком вытекает, а внутри попадают морские звезды, раковины и всякие странные обломки. На острове Ваю-Ваю тоже есть похожие мешочки, и старики говорят, что их оставляют белые люди, но последнее время их часто подбирали в море, потом в них собирали дождевую воду. Служат такие мешочки даже больше времени, чем камни. Он вскрыл раковину, проглотил свежее содержимое и попробовал выпить воду из мешочка. Вода воняла, но, без сомнения, она была пресная. Ателей был обрадован чуть ли не до слез: раз есть вода, то можно жить.

Ателей продолжал осматривать остров до самого полудня. Он нашел еще креветок и рыбешек, застрявших в разных сосудах всевозможных форм. Пока он лакомился этой свежей морской пищей, солнце незаметно стало клониться к закату. Он подобрал немало размокших, порванных вещей, напоминавших одежду, но они были слишком мягкие, а он привык к льняной ткани. Всё же после того, как эти лоскуты высохли на солнце, их можно было надеть. Еще он обнаружил бутылки, которые держались на воде. Так как они были ярких цветов, Ателей взял несколько, думая о том, что использует их, возможно, для постройки чего-нибудь вроде лодки.

«Это наверняка мир после смерти. Кто знает, какие вещи понадобятся в мире после смерти?» Он складывал вместе все собранные им бутылки и разные странные штуковины, а затем молился о том, чтобы море не даровало дождь, и завтра эти вещи можно было высушить на солнце.

С наступлением по-настоящему глухой ночи Ателею стало ясно, что он еще не умер. Дело в том, что среди ваювайцев живет предание о загробном мире, в котором полгода светит солнце, а другие полгода царит темная ночь. Но оказывается, что на этом острове течение времени точно такое же, как и на Ваю-Ваю. По крайней мере день не показался ему длиною в полгода. Ночь на море совсем не такая глухая, как обычно думают. Свет от луны и звезд опускается сквозь облака, на поверхности моря ни с того ни с сего возникает феерическое свечение. Иногда даже так сильно режет глаза, что не уснуть. Ателей сидел на краю острова. С одной стороны, он был заворожен этой красотой природы, с другой – раздумывал по поводу своего будущего.

Когда луна начала клониться в сторону, Ателей почувствовал, что он не один. Он вдруг увидел, что его со всех сторон обступили юноши, являвшиеся ему во сне. Они не то улыбаются, не то хмурятся, наблюдая за ним и его мучениями. Ателей встал в позу, которая у ваювайцев означает доброжелательность: ладони повернуты кверху, пальцы слегка согнуты. В тот момент, когда он собирался задать вопрос, юноша с раной, идущей от левого плеча до самого живота, заговорил:

– Ты угадал. Мы духи, а не люди. Все души младших сыновей ваюваю собрались тут.

– Вы ждете меня?

– Да.

– Я давно догадывался, что здесь загробный мир. Или остров, откуда переходят в загробный мир?

– Да благословит тебя море. Честно говоря, мы сами не знаем, что это за место. Мы бесприютны, гонимы ветром и волнами. Но мы никогда не знали о том, что на море есть такой остров. Этот остров принесло сюда недавно, – сказал юноша из сна, тот, что с седыми волосами.

– Значит, вы меня заберете отсюда?

– Нет, мы не духи смерти. Мы всего лишь ждем, когда ты присоединишься к нам. Но сейчас ты еще жив, и нам остается только ждать, – ответил юноша с огромным шрамом.

– Младшие сыновья Ваю-Ваю даже после смерти остаются с морем, – произнес седовласый юноша, а остальные хором повторили его слова.

Души младших сыновей Ваю-Ваю не солгали, они действительно впервые обнаружили этот остров.

– Мы несколько дней назад условились встретиться у рифов, где обитают морские птицы, чтобы подготовиться к встрече с новичком, то есть с тобой. Тогда мы в первый раз заметили край этого дрейфующего острова. В тот день, когда ты совершил обряд прощания с родным островом, мы вместе добрались до Ваю-Ваю. Еще было слышно, как старики поют песню расставания, перевозят мудрость Кабана, изобилие острова, твое мужество и красоту Расулы. При свете дня мы обратились в стаю кашалотов и следовали за твоей *талавакой*, пока она не потонула. Не вини нас, мы должны соблюдать принцип невмешательства и не имеем права намеренно умерщвлять младших сыновей Ваю-Ваю. Мы только наблюдаем за тем, что случится. Не думали мы, что ты вынослив как рыба, и смерть тебя не берет. Мы продолжали следовать за тобой все время, и увидели, что течение несет тебя на этот остров. – Видимо, седовласый юноша – их лидер.

Другой юноша, коренастый, с беззубым ртом, похожим на большую яму, продолжал:

– С самого начала этот остров показался нам совсем странным и диковинным, и мы еще подумали, а не может ли этот остров быть ловушкой или испытанием Кабана?

– Но мы кое-что заметили, – говорит седовласый юноша.

– Что же?

– Остров всё время перемещается, может быть, его отнесет за предел для душ младших сыновей Ваю-Ваю.

– Для душ младших сыновей Ваю-Ваю есть предел?

– Да. Души могут отдалиться от Ваю-Ваю лишь на определенное расстояние. Там проходит невидимая черта.

– Ты хочешь сказать, если остров уплывет за *предел*, установленный вам, и я еще не умру, *вы не останетесь со мной рядом?*

– Да благословит тебя море. Тогда, если ты умрешь, твоя душа будет в одиночестве, и ей придется, потеряв из вида предел, скитаться в открытом море.

– Значит, сейчас мне нужно броситься в воду и погибнуть, чтобы я мог последовать за вами?

– Ни в коем случае не делай этого! Если ваювайцы лишают себя жизни, то обращаются в медуз, а медузы не узнают друг друга. Ты ведь не хочешь стать медузой?

Ателей не хотел стать медузой, но и духи младших сыновей Ваю-Ваю не знали, что предпринять, поэтому они просидели на острове до самого рассвета. Рассвет для духов, вообще-то, особого значения уже не имеет. Единственный смысл в том, что при свете дня они на время уходят под воду и обращаются в кашалотов. А когда вновь приходят сумерки, души возвращаются в человеческом обличье, блуждают, поют песни, слоняются без дела, ожидая появления еще одного младшего сына ваюваю. Обратившиеся в кашалотов духи и настоящие кашалоты практически ничем не отличаются, разница только в том, что кашалоты-духи плачут.

Ателею оставалось только сидеть и ждать, а тем временем остров уплыл за предел, установленный душам младших сыновей ваюваю. Произошло это тихо, с непостижимой скоростью, не зависящей ни от ветра, ни от дождя, ни от течений, ни от сновидений. Трижды сменились солнце с луною, и когда души младших сыновей ваюваю вынырнули на поверхность, то увидели лишь край острова, и громко звали: «Ателей! Ателей!» Но голоса их обернулись летучей рыбой, – бултых! – и исчезли в пучине морской.

«Я остался совсем один», – со всей ясностью понял Ателей, проснувшись, когда солнце и луна сменились еще два раза. Но он должен воспрянуть духом, чтобы выжить. Он попробовал ловить рыбу, собирать дождевую воду, а еще делать теплую одежду из всевозможных вещей. Ателей хорошо умел ловить рыбу, но с одеждой у него толком ничего не выходило: нацепив на себя кое-какое тряпье, он стал похож на пеструю птицу.

Ателей нашел что-то вроде гнущейся палки. Через несколько дней ему пришла в голову неожиданная мысль: заострить один конец и приладить к палке еще одну подобранную им упругую штукюину. В результате получился гарпун для ловли рыбы. А еще он таким же способом, но из других материалов смастерил *кувану*, более прочную и упругую, чем *кувана*, которую делают на Ваю-Ваю. Кроме того, он обнаружил круглую вещь, более твердую, чем плод, но при этом более упругую, и она как раз подошла для того, чтобы бросать в пролетающих птиц, до которых *кувана* бы не достала. Ателей научился позе для броска из валявшейся на острове книжки, исписанной «значками» и украшенной цветными рисунками (хотя у ваювайцев не было письменности, но у Кудесника моря и Кудесника земли имелось несколько «книжек»). На рисунке был изображен человек с такой же, как у него, кожей коричневого цвета. Ателею ужасно понравилась его поза при броске, даже от руки исходило какое-то сияние.

Вечером наступало лучшее время для ловли птиц и охоты на морских черепахах с помощью сделанной Ателеем *куваны*. Поначалу Ателей только оглушал черепахах, вытаскивал голову и пил из шеи кровь. Но однажды на другом конце острова он нашел блестящий и необычайно острый нож (у ваювайцев тоже есть ножи, но они делают их из камня), и тогда смог легко добывать черепашьё мясо. На вкус оно было как твердый морской огурец. Бывало, что через какое-то время после того, как он вспарывал ножом брюхо черепахи, все четыре лапы еще медленно двигались, точно черепаха по-прежнему была на дне морском.

Но позднее Ателей заметил недалеко от острова множество дохлых черепахах. Распоров их туловище, он часто находил у них в животе не гнивающие вещи с острова. «Неужели эти

черепашки умерли от того, что откусили часть острова?» – размышлял Ателей, и решил, что не будет есть никаких вещей на острове, будет только пить пресную воду.

Нырнув несколько раз, Ателей обнаружил «остров под островом», еще более огромный, совсем как настоящий лабиринт в море, «такой же большой, как другое море». Ничего не подделаешь, Ателей не мог придумать более подходящего сравнения, ведь любая большая вещь представлялась ему подобной морю. Плавающие под водой предметы цеплялись друг за друга, но достаточно пройти сильной волне, как все они менялись местами и перестраивались в новом порядке. Этот полупрозрачный остров все время становился другим, так что Ателей, ныряя ежедневно, мог даже ненадолго заблудиться. По возможности Ателей переносил те предметы, которые могли пригодиться, со дна на поверхность, складывая их в одном месте. Вскоре на острове был целый склад вещей: некоторые имели практическое применение, некоторые просто показались интересными, странными или завораживали его. На острове Ваю-Ваю все люди умеют собирать морские гребешки и крепят их раковины на стене дома с солнечной стороны, делая «нарядную стену». Поначалу Ателей и вправду собирался построить что-то вроде «нарядной стены», но заметил, что стену не получится поставить лицом к солнцу, потому что остров как будто вращается, и солнце каждый день встает с разных сторон острова.

Спустя какое-то время Ателей начал собирать что-то вроде тоненьких коробочек, на которых сверху были изображения, еще не до конца размытые морской водой, и на них просматривались нагие женские тела. Женщины с невиданной им никогда прежде белой кожей демонстрировали свои груди и глядели на него невероятно ласково. Конечно, Расула не уступала им по красоте, но он заметил, что Расула наполовину похожа на них, а наполовину похожа на ваювайцев. Правда, в данный момент от вида любой обнаженной женщины пенис Ателея увеличивался в размерах, и ему хотелось *кавалулу*. Он думал о Расуле, когда делал *кавалулу*. Нередко ему казалось, что это, наверное, тоже разновидность любви.

Еще Ателей собирает «книжки». «Книжки» он уже видел у Кудесника земли, но их было очень трудно найти, обычно они хранились в прозрачных мешочках, в которых не портились и не рвались. Говорили, что Кудесник земли получил несколько «книжек» от белых людей. Он говорил, что белые люди называли те знаки «письмена». У ваювайцев не было письменности, так как они считали, что нет нужды запоминать мир с помощью знаков. Жизнь состоит из звуков, которые достаточно сохранять в песнях и историях.

Ателей считал книжками всё, что имело письмена, будь то толстенные или состоящие из нескольких листов, с картинками и без, с непохожими друг на друга символами. Но хотя в книжках эти символы и отличались друг от друга, в них скрывалась некая упорядоченность. Быть может, именно потому, что Ателей не понимал, откуда взялся этот порядок и кто его установил, эти символы внушали ему удивительное благоговение. Конечно, на этом острове были предметы, которые были знакомы Ателею, например, стволы деревьев, мертвая рыба, камни... Но из всех предметов из мира, находящегося вне его опыта и понимания, именно книги с их символами больше всего изумляли Ателея, ведь эти символы, очевидно, отличались друг от друга. Белые люди или другие ваювайцы, зачем создали они эти на первый взгляд абсолютно *беспользные письмена*? Когда он смотрел на них, внутри него всё накалялось, и он чувствовал неясную легкую дрожь.

«Да благословит тебя море. Пути Кабана неисповедимы», – бормоча себе под нос, Ателей складывал все книжки в одну кучу. Из-за того, что это место постепенно становилось все более тяжелым, некоторые книги опять вернулись в море.

С самого начала поиск всяких предметов приносил Ателею новые ощущения, не давая его душе загнивать. Но те, кто долго жил в одиночестве, хорошо знают, что пропасть между разными временами становится глубокой, словно море, и эту пропасть не преодолеть душе отдельного человека. В эти моменты лишь воспоминания способны заполнить этот разрыв. В открытом море Ателей испытал физические потрясения, но волю к жизни сохранил. С одной

стороны, он не хотел превращаться в медузу, умертвив себя, а с другой – память давала силы, чтобы смиренно жить дальше. Воспоминания о последней ночи перед выходом в море помогали ему справиться с желанием, слова отца и советы старцев сообщали знание о море, сохранившиеся в памяти песни островитян учили его любви.

Ателей почти забыл, в какой стороне находится Ваю-Ваю.

Когда ваювайцы в море попадают в беспорядочное течение или в другую беду, то закрывают глаза, обращают голову к небу и изо всех сил вытягиваются. Говорят, если человек многоопытный, то он сможет «учуять», в какой стороне Ваю-Ваю. Поначалу Ателей, несмотря на вонь от рыбы и запахи дождя, еще мог слышать крепкий дух Ваю-Ваю. Но вот прошло время семи песен, и запах почти улетучился. Еще через семь песен Ателей смог только примерно предположить, что Ваю-Ваю находится где-то со стороны заката. Однако все островитяне знают, что солнце погружается в воду всегда в разных местах, поэтому по закату нельзя точно определить, в какой стороне лежит Ваю-Ваю.

За эти дни Ателей насмотрелся всяких морских красот и наблюдал удивительную погоду, невиданную им прежде: иногда было жарко как в печи, но вскоре становилось невыносимо холодно; иногда было ясно, ни облачка, а спустя время, достаточное, чтобы рыба попала на крючок, мгла затягивала небо, и начинался шторм. Бывало, что внезапно наступала ночь, а бывало, что после полудня в один миг тьма окутывала все вокруг. Бывало, что на фоне ярких звезд тотчас встало солнце, и от ярких лучей слепли глаза. Один раз в море он увидел, как девять торнадо появились вместе, а им вдогонку из облаков друг за другом сверкали молнии, точно мрачные тучи отрастили тоненькие ножки, и с каждым шагом этих ножек на водной глади начинали бурлить водовороты. Как только торнадо прекратилось, буря тут же закончилась. Ателей без конца молился, чтобы Кабан заодно прихватил и его с собой. А когда небо прояснилось, Ателей заметил на поверхности воды длинную-длинную черную тень, он подплыл поближе и увидел, что это неизвестно откуда взявшиеся мертвые бабочки, бесчисленное множество, простирающееся непрерывной полосой, которой не видно конца, точно его приключениям.

Ателей понемногу перестал различать утро, полдень, сумерки и ночь, он бросил смотреть на высоту луны и звезд, определяя собственное направление. Он позволил себе плыть по течению, как опавший лист, дрейфовать, точно всплывшая мертвая рыбина. Он искал пропитание, когда был голодный, проваливался в сон, когда уставал. Одно время он даже стал думать, что Ваю-Ваю – иллюзия, вымысел, порожденный его тоской. Правда, Ателей осознавал, что страстно желает вновь увидеть Ваю-Ваю, пусть даже в обличье духа. Ателею было известно, что младшие сыновья Ваю-Ваю днем превращаются в кашалотов, так что всякий раз, когда он замечал силуэт кита, то издавал крик, обратившись к морскому простору, и крик этот мог растрогать даже орлов, возвращавшихся на север. «Если бы Расула и ее мать Селия были здесь», – думал Ателей. Ведь только они на острове могли своими песнями призывать *масимагао* (на языке ваюваю это означает «кит с туловищем, подобным морю»), такую силу имели их голоса, а Кудесник моря по движениям *масимагао* предсказывал будущее. Неожиданно в один из дней, когда Ателей допел свою песню, и вправду появились *масимагао*, стали спариваться недалеко от острова, даже проделали дыру в самой хрупкой части острова. Когда они выплыли на поверхность, их туловища были увешаны чем попало всех цветов и оттенков, прямо как верховные божества на каком-нибудь ритуальном празднике.

Один раз Ателей своим гарпуном подстрелил проплывающего недалеко от острова черного марлина. Раненая рыба поплыла прочь и потащила в море вцепившегося в свой самодельный гарпун Ателея. В тот самый момент, когда Ателей подумывал разжать руки, из-за резкого погружения под воду на слишком быстрой скорости он потерял сознание. Его мозг хотел, чтобы он ослабил хватку, но руки крепко держали. Тем временем марлин поплыл по лабиринту ост-

рова, то поднимаясь на поверхность, то опускаясь, проплывая через разнообразные предметы необычной формы. Ателей начал непроизвольно молиться: «О наш Кабáн, единственный, кому под силу осушить море! Пусть ты покинешь меня, но позволь моим останкам превратиться в коралл, и плыть к родной земле, чтобы Расула подобрала его».

Неизвестно, сколько прошло времени, но в конце концов рыба не смогла выбраться из лабиринта подводного острова. Ее порезало многочисленными острыми штуковинами, голову покрывала всякая всячина. Рыба постепенно поранилась настолько, что лишилась сил. Ателей, крепко вцепившись в рукоять гарпуна, быстро сделал обеими руками рывок и зацепился за край острова. Он отыскал воздух, запертый в нижнем слое острова. Благодаря инстинкту выживания, он снова выбрался на белый свет. Он съел только кусочек марлина, потому что на следующий день рыба, которую он привязал под островом, исчезла без следа, даже скелет неизвестно куда пропал.

Ателей задумался. Раз неизвестно, вернется ли он когда-нибудь на Ваю-Ваю, или будет и дальше жить в одиночестве, то ему необходимо укрытие, способное устоять в непогоду. Он нашел синюю ткань, которая не пропускала воду, взял гибкие, но прочные палки, и сделал себе маленькую палатку. Очень скоро буря разрушила ее, и он решил построить маленькую-маленькую хижину. Конечно, хижина тоже не победит бурю (да и что на свете может победить бурю?), но, по крайней мере, не будет настолько хрупкой. «Хижина хрупка, значит, мужчина слаб» – есть такая поговорка у ваювайцев. Ателей решил выбрать материалы, которые не собьет сильный дождь, не смоет море. Его хижину понесет по воле морских течений, и, кто знает, может быть, однажды она возвратится к острову Ваю-Ваю, пусть даже его самого к тому времени уже не будет в живых. Зато, если хижина не развалится, то станет его посланием для тех, кто на суше.

Когда Ателей всерьез принялся за строительство, то обнаружил, что остров может дать немало материалов, которые не разлагаются. Он использовал металлические предметы из своей прежней палатки, приладил китовые челюсти и ребра, чтобы соорудить каркас жилища. В качестве подпорок он добавил палки, из которых был сделан его гарпун. Разноцветными веревочками, которые растягивались и не рвались, он связал и укрепил каркас. С самого начала он делал каркас с таким расчетом, чтобы было место для трех лежащих человек. Солнце и луна сменились много раз, пока дом наконец-то приобрел должные очертания. А еще Ателей пристроил кладовку и соорудил отдельное место для хранения пресной воды, назвав его *сакроман*, что означает «колодец на море». Так как дом строился из тех вещей, которые были на острове, издалека он выглядел так, будто составлял единое целое с островом и был так умышленно замаскирован. Ателей смотрел на свой дом, и ему казалось, что теперь он стал удивительно богатым.

Но Ателей также заметил, что немало морских животных умирают в море вокруг острова, и наверное, это тоже было как-то связано с черепахами, откусившими остров. Из-за этого остров иногда казался огромной западней на поверхности моря, скрывающей темное проклятье, землей без корней, кладбищем всего живого. За исключением нескольких видов птиц, время от времени прилетающих на остров свить гнездо и отложить яйца, на нем практически не было никакой жизни. А те животные, которые откусили часть острова и умерли, сами становились частью острова. Он думал, что сам когда-нибудь тоже станет частью этого острова. Вот как, оказывается, выглядит загробный мир, это и есть мир мертвых.

Ателею случалось видеть вдали лодки, намного более крупные, чем *талавака*. А еще он замечал на небе железных птиц, издававших необыкновенное грохотание. Он был уверен, что именно об этом вещал Кудесник земли: «Птицы из преисподней и дьявольские корабли белых людей».

Ателей ничего не знал о мире других людей. Поговаривали, что когда ваювайцы впервые увидели белых людей, то вопрошали: «Вы спустились сюда по небесному пути?»

Небесный путь – это радуга. Кудесник земли говорил: «Лишь души достаточно легки, чтобы взойти по радуге». Иногда Ателей, видя вдалеке радугу, думал о том, что будет делать, если однажды и вправду встретит белых людей. Как он будет с ними разговаривать? Могут ли они проводить его обратно на Ваю-Ваю? Ателей вспомнил слова, ненароком сказанные Кудесником земли: «Белые люди приходят и уходят, но нам, живущим по законам ваювайцев, нет нужды в белых людях. Они приносят только вред, они отбирают, они оставляют после себя эти бесполезные наручные часы, книжки, а еще таких девочек, как Расула». Кудесник земли со вздохом добавил: «Но кто знает, быть может, в один прекрасный день ваювайцы исчезнут из-за других живущих в мире людей».

Другие живущие в мире люди. Кажется, даже они забыли о нем. Но Ателею все-таки известно, что на самом деле ваювайцы знают, что он ушел в море, они лишь настойчиво забывают его, умышленно забывают его. При этой мысли Ателей почувствовал, что так жить дальше еще нестерпимее, чем умереть. Как будто он сам оказался узником в этом мире, увеличившимся в размерах, и получил страшное наказание, своего рода забвение. Почему он должен подвергаться такому наказанию? Или такова воля Кабана, такова судьба младших сыновей?

Эти страдания облегчились лишь после того, когда Ателей нашел маленькую палочку, с помощью которой можно было делать рисунки в «книжках». Вообще-то, ему уже давно попадалось немало таких палочек, но сначала он протыкал ими разные вещи на острове, или использовал для укрепления жилища. Но теперь внезапно обнаружилось, что этими палочками можно оставлять следы на других вещах, и это открытие поразило его. День за днем Ателей боролся с самым большим врагом – молчанием. На этом острове не было никого, с кем он мог бы поздороваться, не было никого, кто похвалил бы его за умение плавать, тут никто не вызывал его на поединок и не соревновался с ним в нырянии. Но после того, как у него появились эти палочки, он по крайней мере мог нарисовать все то, что видел и о чем думал.

Ателей в молчании собирал по всему острову маленькие палочки и любые вещи, на которых можно было рисовать. Он заметил, что палочки пишут толще или тоньше, и разными цветами, а некоторые спустя какое-то время перестают писать. В один из дней Ателея осенило вдохновение, и он начал рисовать на своих ступнях, на щиколотках, бедрах, животе, груди, плечах, на шее и лице, а также на спине, – везде, куда доставали его руки, он рисовал то, что видел и слышал. Поверх одного рисунка появлялся другой, а когда из-за дождя он промокал и рисунки стирались, Ателей принимался рисовать новые.

В это раннее утро Ателей стремглав бежал по острову, и похож был издали уже не на Ателея, а, скорее, на иное существо, скажем, на демона, а может, и на бога.

Глава 5

Дом Алисы

Тото родился через три года после того, как Алиса и Якобсен познакомились. В сущности, это была случайность, а может, предопределение, ведь они с Якобсеном совсем не думали о ребенке. Они не ожидали его появления ни духовно, ни физически, для обоих это было незапланированное событие. Якобсен и Алиса не сходились во мнениях по разным вопросам, но оба считали, что дать ребенку прийти в этот мир для него все равно что наказать, обречь на мучения.

Незадолго до рождения Тото проект строительства дома как раз был готов, поэтому в нем было учтено и будущее Тото. Чертеж своей рукой нарисовал Якобсен. Внешне это было подражание летнему дому Эрика Гуннара Асплунда⁸, с некоторыми изменениями. Главное отличие состояло в том, что правое крыло «летнего дома» должно было иметь два этажа. Все здание тоже приподняли, так что внешне оно получилось не совсем похожим на более приземленный, уютный домик в лесу. По сути дела, кроме внешнего вида, сама конструкция дома тоже была другой, ведь летний дом Асплунда не находился прямо напротив моря, не было нужды волноваться о сильных приливах или тихоокеанских ветрах, часто непредсказуемых.

В тот год, когда Алиса познакомилась с Якобсеном, они отправились в путешествие из Дании в Швецию, и на третий день пребывания в Стокгольме зашли в Стокгольмскую публичную библиотеку, спроектированную Асплундом. Как только Алиса оказалась внутри, то невольно издала громкий вздох удивления. Ряды стеллажей с книгами разворачивались уровень за уровнем, в ритме, по красоте равном струнному квартету Дебюсси – словно открываешь за раем рай. Наверное, это и было самое прекрасное из всех вместилищ книг, которые ей доводилось видеть.

Хотя природа в уезде Х. прекрасна, но культурный ландшафт, за исключением нескольких памятников архитектуры, испорчен уродливым новостроем. Рядом со страшной конструкцией Нового железнодорожного вокзала построили библиотеку, еще более страшную. Алисе вспомнилось, что в Тайбэе возвели неплохую Бэйтоускую библиотеку, но она так и осталась всего лишь пустым «вместилищем», потому что ее содержимое до жалости скудное. Вот Асплунд по-настоящему понимал сущность библиотеки: стены книг хотя и давят на тебя, будто сама история, однако не оставляют презрительно-гнетущего ощущения. Маленькие квадратные окна сверху пропускают лучи света, внушая ритуальный трепет, когда становишься на цыпочки и берешь с полки книгу. У Алисы при этом даже слегка тряслись руки, будто она всего лишь рабыня света, и в то же время властелин книги.

Алисе особенно понравилась «Комната сказок», в которой будто преломляются пространство и время. Эта комната находилась на первом этаже в специально созданном Центре детской книги. Как толькоходишь туда, то словно попадаешь в пещеру в эльфийских землях. Настенные росписи рассказывают о народных преданиях Швеции, в центре стоит кресло для чтеца (кажется, в такое кресло опустишься и сразу начнешь за вязанием сочинять сказки о магах и волшебниках), а для детей – скамейки, тянущиеся амфитеатром в обе стороны, или они просто рассаживаются на полу. Тусклое освещение проектируется на настенные росписи, как будто сейчас подует ветер и нарисованные эльфы вот-вот заговорят с тобой. У каждого ребенка, слушающего истории, глаза так и светятся. Вот именно в этот момент у Алисы в голове впервые в жизни промелькнула мысль о том, что иметь детей не так уж и плохо.

---

⁸ Эрик Гуннар Асплунд (Erik Gunnar Asplund, 1885–1940) – шведский архитектор, представитель нордического неоклассицизма.

– Эльфы ведь являются только в таких местах, да? – сказала Алиса Якобсену.

Он догадался, что Алиса без ума от Асплунда, и сразу нашелся что спросить:

– Какие-нибудь планы на завтра? Или хочешь сходить посмотреть на одно частное творение Асплунда, его личное жилище?

– Планы были, но теперь – никаких!

На следующий день они отправились из кемпинга на автобусе, ехали почти два часа, а потом еще шли пешком десять минут. Был летний день, они вышли на лесную тропу, сквозь деревья светило солнце, и Алису не оставляло ощущение, что путь усеян пестрыми значками-намекками. Идя рядом с Якобсеном, Алиса чувствовала, будто помолодела, стала, словно девушка, которой хватает одной улыбки возлюбленного, чтобы исполниться надеждами на новую жизнь.

На опушке леса дорога пошла в гору ровным изгибом, пейзаж радовал глаз, и усталости не чувствовалось. От места, куда они поднялись, простирался луг, слева был непреклонный скалистый утес, справа дорога уходила к знаменитому фьорду, а прямо перед ними стоял тот самый летний дом. Хотя хозяев не было, и Алиса с Якобсеном, соблюдая приличия, могли лишь смотреть на дом с расстояния, но когда она потом вспоминала этот эпизод, ей казалось, что ее взору открылась сама жизнь, а не просто отдельно стоящий дом.

– Буду ли я когда-нибудь жить в таком доме? – лукаво, немного вызывающе спросила Алиса.

– Конечно, – невозмутимо ответил Якобсен. В тот момент Алиса почувствовала, что сама на себя не похожа, потому что в привычных обстоятельствах она ни в коем случае не стала бы так разговаривать с парнем, который – достаточно было только взглянуть – был моложе ее.

А сейчас единственным утешением для Алисы стал этот дом посреди моря. Она возвращается в памяти к своему знакомству с Якобсеном, и думает, что во всем виноват ее мечтательный характер. В то лето она наконец получила скучнейшую степень доктора литературы, не питая больших надежд на успех подала заявку на вакансию преподавателя, и с палаткой, фотоаппаратом и ноутбуком в одиночку поехала в Европу. Вообще-то, Алиса собиралась написать травелог, что-нибудь вроде «Записок скитальницы», и дать старт своей писательской карьере, а там, глядишь, и в университет не придется устраиваться.

Прилетев в Копенгаген, она первым делом отправилась в пригородный кемпинг Шарлоттенлундский форт. Это кемпинг с историей: внутри еще стояли старинные пушки, укрытые зеленым брезентом, сохранилась даже конюшня. Вначале она рассчитывала, что на ближайшую неделю кемпинг станет ее базой, откуда она будет ездить в Копенгаген. В один из вечеров Алиса опоздала на последний автобус, и в обратный путь ей пришлось тащиться пешком. Под вечер дорога в сторону пригорода была безлюдной, и ей сделалось тревожно. Она еще и свернула не туда, в итоге пришлось идти через довольно большой парк. Хотя он назывался парком, но вообще-то это был не просто большой, а огромный темный лес (по сути дела, настоящий темный лес). Деревьям, может быть, уже сотни, а то и тысячи лет, к тому же повсюду поперек не слишком просматривавшейся дорожки валялись упавшие стволы. Вечером темный лес становится совсем не таким, как днем: никто не выгуливает собак, нет людей на пробежке, доносится только уханье совы. И вот когда ей уже становилось действительно жутковато, вдалеке появился какой-то огонек и бряцающий шум.

Алиса представила, что за люди могут быть в таком месте, и сердце у нее непроизвольно забилося быстрее. Она стала искать какое-нибудь укрытие, чтобы ее не могли обнаружить с дорожки. Неожиданно быстро появился высокий парень на велосипеде, с бородой и усами на еще ребяческом лице, и остановился рядом с ней.

– Привет!

– Привет! – ответила Алиса через силу.

– В кемпинг идешь?

– Ага.

– Садись, подвезу.

– Не надо.

– Не бойся, вот, смотри, это мое служебное удостоверение кемпинга. Я вчера тебя видел, ты живешь в Шарлоттенлундском форте, правильно? Тебе одной тут ходить страшновато, наверное. Скоро совсем стемнеет. Не волнуйся, можешь мне доверять. Лес знает мой велосипед. – Вообще-то Алиса понимала, что в это время года в лесу темнеет после девяти, но сердце у нее по-прежнему билось быстро, и ей трудно было понять, это из-за волнения или из-за чего-то еще. Она взглянула на велосипед – на нем не было заднего сиденья.

– Как это – подвезешь, на этом?

Он вытащил из рюкзака съемный багажник, прикрепил к задней раме и сказал:

– У тебя же вес не больше ста фунтов, эта штука выдержит все сто сорок, без проблем.

Он перевесил свой рюкзак со спины на грудь, чтобы сзади хватило места для Алисы и ее вещей. Она легко положила руку на его крепкую талию, а сердце так и стучало быстрее обычного. После возвращения в кемпинг они вдвоем проговорили до темноты. Парень сходил в свою палатку за гитарой, спел для нее пару песен, которые Алиса слушала еще подростком и все еще хорошо помнила. Лишь когда вдалеке исчезла из вида даже мачта ветрогенератора, они разошлись по своим палаткам.

Прежде всего, она разобралась, что перед ней – датчанин Том Якобсен (потом она узнала, что Якобсен – самая обычная фамилия в Дании). Что до бороды, то это была всего лишь обманчивая видимость, ведь он был младше ее где-то на три года. Но с жизненным опытом все оказалось наоборот: он объехал на велосипеде Африку, под парусом пересек Атлантический океан, и во время того путешествия из-за поломки даже застрял на неизвестном маленьком острове. Еще он занимался бацзицюань⁹, вместе с командой ультрамарафонцев пробежал поперек Сахары, а несколько лет назад принял участие в одном любопытном эксперименте по изучению сна. Это было повторение эксперимента 1972 года в тexasской пещере Миднайт Кейв, только условия эксперимента были скорректированы. В общем, на глубине тридцати метров он провел под землей целых полгода.

– Как там, под землей?

– Как? По правде говоря, я вообще не чувствовал себя под землей, но было такое ощущение, как если бы я жил в каком-то живом организме.

Якобсен был эрудитом, любителем приключений, всегда с радостью преодолевавшим трудности. Как раз этих черт характера, как правило, не хватало представителям мужского пола, живущим на том острове, откуда была родом Алиса. Это вскружило ей голову. Тем более что у Якобсена были нежные, светящиеся глаза.

– Ты столько всего перепробовал. А сейчас что планируешь?

– Дания – страна без гор, а меня в горы тянет, так что собираюсь побывать в горах в Германии, научиться там лазать по скалам. Я как раз подрабатываю, чтобы купить всякие приспособления для скалолазания, а еще три дня в неделю хожу на занятия с тренером.

Алиса совсем не знала датский и могла разговаривать с ним только по-английски. Им обоим приходилось общаться не на родном языке, так что фразы звучали как-то неуверенно. Но важнее языка, скорее, было другое: в разговоре с ним она то и дело чувствовала, что поглощена собственными мыслями, не может сосредоточиться на теме беседы, или даже про себя

---

⁹ Досл.: кулак восьми пределов, боевое искусство, одна из старинных школ ушу в Китае.

вспоминает поэтические строки: «*Они затопят разум темнотой...*¹⁰ блин! – думала она, – блин, что за фигня, блин!».

Якобсена же привлекала тоненькая фигура этой девушки, и то, как она иногда разговаривала сама с собой по-китайски. Он решил, что не пойдет дальше на каноэ по фьордам, как планировал. Встреча с Алисой волновала его так же, как приключения на лоне природы, была такой же непредвиденной, а может быть, даже и более опасной. Якобсен сам предложил стать гидом Алисы. В это путешествие они отправились с волнением и радостью, совсем как дети, он со своим рюкзаком на плечах, она со своим.

Через три недели похода по Северной Европе Алиса вернулась обратно в Копенгаген, где должна была сесть на самолет. Он был всего лишь провожающим, но когда Алиса пошла регистрироваться на рейс – она везла свой чемодан, он вез свой, – Якобсен вдруг принял неожиданное решение: отправиться на Тайвань, взглянуть на все своими глазами. На рейс Алисы не было свободных мест, поэтому они полетели на Тайвань друг за другом. После посадки в Тайбэе Алиса не поехала сразу домой, а осталась в аэропорту ждать рейса из Копенгагена с пересадкой в Бангкоке. В тот вечер, когда они заметили друг друга в зале прибытия, стало ясно, что их сердца уже всё решили за них, больше никаких сомнений.

Возвратившись на Тайвань, Алиса обнаружила в переполненном почтовом ящике письмо из университета о приеме на работу. Не раздумывая, она тут же решила, что переедет в уезд Х. Размышляя о том, почему она отправила резюме только в один университет, она снова сочла, что виной тому мечтательный характер: отчасти хотела на море, а отчасти – грезила о том, что сможет снова вернуться к писательству. Для творчества, конечно, следует выбирать места подальше от людей, на самом деле для того, чтобы можно было наблюдать за ними же с определенного расстояния. Тем временем Якобсен за неделю до отъезда в уезд Х. уже связался с тайваньскими любителями горных походов и даже успел совершить с ними восхождение на главный пик Сюэшань¹¹. Вернувшись в Тайбэй, он наслушался рассказов Алисы об уезде Х. и решил, что поедет вместе с ней.

Алиса и Якобсен сперва поселились в университетском общежитии, но так как они не состояли в браке, им разрешили ютиться только в тесных одноместных комнатах. К тому же построенные за казенный счет общежития обычно не отличаются удобствами, а летом на стенах от влажности выступает конденсат, так что к вечеру даже простыня пропитывается влагой.

Приехав из равнинной страны на горный остров, Якобсен пустился в походы по горам, а еще начал тренировки по скалолазанию с местными друзьями. Хотя Якобсен был уже не в том возрасте, чтобы становиться настоящим альпинистом, но он, кажется, решил идти так далеко, как только сможет.

– В этих местах такая влажность, совсем не как в Скандинавии.

– Еще бы, это же тропики. Слушай, а ты разве о деньгах не беспокоишься?

– Я тут отправил текст в датский журнал о путешествиях, пока вроде без проблем. А у тебя сомнения, что я тут ради твоих денег? – Якобсен моргнул правым глазом. Алиса заметила, что у Якобсена, когда тот не говорил всей правды, моргает только правый глаз, поэтому она не стала просить у него тот журнал, и решила не приставать с вопросами о материальном и семейном положении.

Да и так разве плохо? С человеком можно жить вместе, даже если ничего не знаешь про его семью. Якобсен с воодушевлением рассказывал ей о том, почему влюбился в скалолазание и горные походы: «Когда ты один карабкаешься по скале, у тебя перед глазами только кусочек неба, ногами чувствуешь, как ничтожны собственные силы, пальцами нащупываешь щелочки

---

¹⁰ Цитата из первой строфы стихотворения Джона Китса «Ода Меланхолии», перевод Г. Кружкова.

¹¹ Сюэшань (Снежная гора) – вершина в одноименном массиве, высота главного пика составляет 3886 метров (вторая по высоте после высочайшей тайваньской горы Юйшань). Горный массив Сюэшань протяженностью 260 км тянется с юга на север от центра острова к северо-восточной оконечности.

в скалистой породе, и всем, что ты видишь и чем дышишь, нельзя поделиться с другими, понимаешь? Ты слышишь, как стучит сердце, знаешь, что твое дыхание становится все тяжелее, а если ты и вправду лезешь по скале на высоте нескольких тысяч метров, и в любое время тебя может ждать смерть, то это такое чувство... – у Якобсена ярко светились глаза – ...как будто ты в любое время можешь лицезреть самого Бога».

Алиса глядела на него, в эти глаза, так завораживающие ее раньше, да и теперь тоже. Но почему-то все те черты характера Якобсена, которые сперва так привлекали Алису, теперь больше всего заставляли ее беспокоиться.

Шло время, и Алиса испытывала серьезную тревогу: что, если этот сексуальный парень возьмет и бросит ее, просто уйдет и не вернется. Она сама подумывала оставить его, но всякий раз, когда он появлялся, снова тонула в его неизменно-печальных, глубоких, и таких невинных глазах. Ей почти казалось, что ее сердце ожидает та же участь, что и эту комнату в общежитии, гниющую от чрезмерной влажности. Она не знала, как поступить.

Алиса долгое время изучала творчество живущего в уезде Х. писателя К., и потому была дружна с его молодой женой. Та влюбилась в писателя К. после того, как взяла у него интервью (правда, это совсем другая история). Она говорила медленно, ходила в босоножках и была не то чтобы красивая, но миловидная женщина с короткой стрижкой и аккуратными манерами, обожательница Пола Остера¹². Разница в возрасте у них с К. составляла почти тридцать лет. Любовь всегда заставляет нас принимать странные решения, каким иногда бывает брак, идущий наперекор действительности и преодолевающий пропасть в три десятилетия. Поначалу все считали, что любовь у них платоническая, но тут старый писатель внезапно развелся с женой и женился на ней. Друзья ожидали, что в итоге либо К. оставит вторую жену наедине с горой рукописей, либо она долго не выдержит со стариком на одном месте, и, в конце концов, очнется от текстологического забытья. Но никто не предполагал, что молодая жена писателя вдруг возьмет и покинет этот мир раньше, чем он.

Ее унесла внезапно нахлынувшая огромная волна, когда К. с молодой женой отправились погулять на побережье. Говорили, что накануне на дне океана случилось сильное землетрясение, поэтому на отдельных участках побережья произошло резкое повышение уровня прилива. В тот момент К. как раз пошел в туалет, и морская вода в одно мгновение хлынула в будку временного туалета, построенного местным туристическим ведомством, так что его ноги оказались по колено в воде. Он выглянул в окошко и увидел, как молодая жена, стоявшая далеко-далеко на берегу, упала в заставшую ее врасплох волну. Волна беззвучно забрала ее, не оставив и следа.

Так как других свидетелей на месте происшествия не было, полиция составила протокол и почти через две недели неожиданно закрыла дело. Кто же мог предположить, что на следующий день К. совершит самоубийство. Способ, к которому он прибегнул, можно считать банальным, а можно – и необыкновенно оригинальным: он наглухо закрыл все окна и двери, а потом стал сжигать рукописи, одну за другой, и в конце концов потерял сознание и умер, вдыхая дым своих же текстов.

Единственным ребенком К. был его сын по имени Вэнь-ян. Он ненавидел отца за то, что тот бросил мать и нашел себе молоденькую жену. Потом они превратились в настоящих врагов, и Вэнь-ян вместе с матерью уехали с восточного побережья в Тайбэй и занялись там бизнесом по продаже спортивных товаров. После самоубийства К., посоветовавшись с Алисой, Вэнь-ян решил распродать все отцовское имущество.

---

¹² Пол Остер (Paul Auster, р. 1947) – американский писатель, сценарист, автор «Нью-йоркской трилогии».

– Ничего мне не надо, ни дома, ни земли. Что касается авторских прав на его произведения, я предоставляю вам решать, профессор. Главное, чтобы роялти и вырученные за продажу дома деньги оказались на счете моей матери, остальное вы сами решайте.

Он оставил Алисе номер счета первой жены писателя. В принципе, с библиотекой К. особых проблем не возникло: она уговорила университет освободить для книг отдельный кабинет. Дом в городе был выставлен на продажу риелтерским агентством. А самой Алисе приглянулся участок земли в прибрежной полосе лесопосадок, с маленькой хижинкой, куда писатель изредка приезжал. Она забрала все средства со своего льготного депозита¹³ и купила эту землю, переводя деньги на счет первой жены писателя К.

Вот так Алиса и увидела запись в дневнике К., сделанную за день до самоубийства. В ней говорилось о том дне, когда пришла внезапно нахлынувшая волна: «На первый взгляд это была не волна, а само море, молчаливо восставшее без предупреждения. Ты и заметить не успел, а оно уже без единого звука отступило на прежнее место, всего-навсего забрало кое-что. Только и всего».

В то время Якобсен вместе с международной группой альпинистов отправился в Шамони, чтобы совершить зимнее восхождение на Монблан. Спустя несколько недель он как-то утром объявился на кухне в общежитии, готовил там завтрак.

– Привет!

– Привет!

– Омлет с беконом и луком?

– Ага.

Алиса уже привыкла к таким встречам, и делала вид, будто ей все равно, но при этом злилась на себя из-за собственной слабости. За завтраком Алиса слушала о приключениях Якобсена, как он чуть не потерял зрение из-за солнечных лучей, отражаемых снегом (она подумала, что он специально снял солнцезащитные очки, потому что в 1786 году во время первого восхождения на Монблан доктор Паккар тоже чуть не лишился зрения. Он всегда умышленно подражал другим путешественникам, оказавшимся «на грани жизни и смерти»), а затем незаметно перевела разговор на тему строительства дома.

– А когда ты возьмешь меня в Шамони?

– Когда угодно!

– В Шамони дома красивые?

– Эти дома достойны того, чтобы ты одна жила в них.

– А ты еще помнишь про летний дом? – она рванула с места в карьер.

– Ну, красивый и интересный домик, – он нежным поцелуем убрал кетчуп с уголка ее рта.

– Я хотела бы построить такой домик.

– Seriously?

– Я купила землю.

– Ты купила землю? Ты хочешь сказать, что ты купила землю, чтобы построить на ней дом?

Участок земли находился рядом с прибрежными лесопосадками, недалеко впереди шумело море. Берега здесь в основном скалистые, не слишком толстый слой почвы, поэтому, хотя участок и обозначен в документах как земля сельскохозяйственного пользования, но вообще-то вырастить на ней что-либо было бы нелегко. Алиса просмотрела все рукописи К., но так и не узнала, почему он решил купить эту землю.

---

¹³ На Тайване преподаватели, военные и госслужащие до недавнего времени могли рассчитывать на льготный депозит со ставкой 18 % годовых.

Якобсен стоял около участка. Неторопливым шагом он двинулся в сторону моря, затем начал раздеваться, а когда остался в чем мать родила, тут же бросился в воду, как будто вернулся к возлюбленной после долгой разлуки, и теперь во что бы то ни стало хотел крепко ее обнять и как следует заняться с ней любовью. Алиса, остановившись на том клочке земли, молча смотрела на его белокурые кудри, то всплывающие, то пропадающие в синем море, словно талисман, потери которого ожидаешь в любой момент.

Ступив на берег, он крепко поцеловал ее, а затем сказал:

– Давай построим коттедж, похожий на летний дом!

Набрав в библиотеке кучу книг, Якобсен принялся вникать в суть дела. Пока что горы отошли на второй план. Алиса уверилась в том, что Якобсен, может быть, и не гений, но если у него появилось желание серьезно заниматься каким-нибудь делом, то он обязательно его завершит. Сможет ли она удержать такого, как он?

Якобсен сказал:

– Можно сделать так, чтобы снаружи напоминало летний дом, но общая идея должна быть другой. Я хочу построить здесь летний дом, который будет в гармонии с этим местом.

Поскольку дом будет обдувать ветер с моря, он решил повернуть его. Если конкретнее, изначально обращенная к фьорду сторона летнего дома смотрела бы на Тихий океан, но не под прямым углом, а под наклоном в тридцать градусов, чтобы коттедж с тремя комнатами не противостоял морю. Причин для выбора тридцатиградусного угла наклона было несколько: напористый морской ветер и солнечные блики на водной глади, которые слишком докучали бы обитателям дома, мешая им по утрам понежиться в кровати. Кроме того, с таким наклоном в каждом уголке дома хватало бы солнечного света, но при этом он не бил бы в глаза. Правое крыло коттеджа должно было стать двухэтажным, с мансардой на лишней метр повыше, так, чтобы во все окно куда хватает глаз – Тихий океан.

Алиса слушала разъяснения Якобсена и стала представлять, как она будет писать, сидя у этого окна. Она сказала, что хотела бы назвать его «окно в море». Еще Якобсен решил возродить задумку Асплунда и сделать нечто наподобие переулка, соединяющего три части дома, которые как бы получают независимость друг от друга, но при этом сохраняют между собой дружеское взаимопонимание.

– Ты будешь жить в правой части, а левая часть будет моей. Я только изменю ее расположение, отодвину чуть-чуть назад, чтобы у меня тоже было свое окно, выходящее на море.

Алисе понравилась идея такой дистанцированности.

В дизайне центральной части дома важная роль отводилась всевозможным растениям, высаженным снаружи и внутри, так что гостиная наполнилась бы очарованием тропиков. Якобсен тайком объехал разные гестхаусы на побережье, присмотрелся, и потом с полной уверенностью заявил Алисе:

– Я думаю, многие люди, когда строят дома, не понимают простой вещи, что человек «живет» в доме. Особенно на Тайване некоторые люди строят дома только ради того, чтобы открыть в них гестхаусы, куда большинство гостей приезжает провести ночь. Но дома, в которых можно жить по десять, двадцать лет, должны быть другими. Я думаю, что мы построим дом, в котором можно будет жить целую вечность.

От этой фразы Алиса снова безрассудно влюбилась в парня, которого видела сейчас перед собой.

Так как на востоке Тайваня всегда тепло и никакого отопления не требуется, то не было нужды перенимать идею знаменитого камина летнего дома Асплунда. Во многих тайваньских гестхаусах делают псевдокамины с дровами, но Якобсену они казались безвкусной и глупой затеей. Правда, под влиянием Алисы ему пришла по душе «культура печного очага», которая

в прошлом была распространена в сельских районах Тайваня повсеместно. Короче, наряду с современной кухней, они оставили место еще и для традиционной печи.

– Эта штука полезная, правда. Настоящий дом только тот, в котором можно готовить местную традиционную еду, – сказал Якобсен.

На монтаж электропроводки в доме у Якобсена вообще ушел целый год. Он раз за разом сравнивал солнечные батареи от разных производителей, подгонял их под нужным углом так, чтобы все скаты крыши покрывали солнечные панели. А под выступами крыши в каждой из трех частей дома были сооружены веранды, где можно было бы отдохнуть на прохладе, поразмышлять или вздремнуть в послеобеденный час. Еще он по интернету нашел немецкую фабрику и заказал у нее опреснитель морской воды, сделанный по индивидуальному заказу. Водопровод был спроектирован отдельно для морской и дождевой воды для разных нужд. За исключением нескольких панорамных точек, разнесенных на определенное расстояние, вокруг дома должны были быть посажены солестойкие эндемичные растения, например каранджа и авиценния морская. При этом темп их роста был рассчитан на пятьдесят лет вперед с таким расчетом, чтобы солнечные панели не оказались в тени.

Через полтора года Якобсен закончил работу над схемой планировки дома, трехмерным чертежом, планами электропроводки и водопровода. Алиса, которая каждый день смотрела и слушала, как он собирает дом по частям, в глубине души испытывала еле заметный трепет, напоминающий чересчур легкомысленное ощущение счастья в тот момент, когда открываешь водопроводный кран.

Перед началом строительных работ Алиса постаралась мобилизовать все свои преимущества для того, чтобы получить в банке солидный кредит. Постройка дома предоставляла ей шанс отстраниться от академической жизни, раздражающей и лишенной воображения, давала ей ощущение жизни ради какой-то цели. В день начала строительства Алиса почувствовала себя плохо и поехала в больницу. Доктор посоветовал ей сдать анализ крови на беременность.

Впоследствии Алиса нередко говорила, что Тото и ее Дом на море – ровесники. Так оно, в общем-то, и было. Якобсен воспринял появление Тото, как и любой отец на его месте: он с воодушевлением определил пространство для Тото в левой и правой части дома, чтобы каждый из родителей по отдельности мог проводить время с ребенком.

Когда Тото родился, Дом на море еще не был закончен. Через три месяца после родов Алиса уже работала в саду. Оставив Тото под карнизом, она высаживала рядом с домом разные растения, привлекающие бабочек. Один из ее коллег в университете, писавший эссе о бабочках, хорошо знакомый ей писатель М., по просьбе Алисы составил список растений, подходящих для посадки на побережье, и научил ее, как правильно сажать эти растения.

А Якобсен разрыхлял землю, утрамбованную бульдозерами, и по обеим сторонам грунтовой дороги высаживал деревья, создавая укрытую от ветра тропу, ведущую к морю.

Правда, в тот год на остров один за другим обрушились мощные тайфуны, приходящие один за другим. Из-за ливней подмыло фундамент шоссе, перенесенного раньше метров на десять от берега, и вскоре вся дорога обрушилась. Дорожное управление не придумало ничего лучше, чем перенести дорогу еще на тридцать метров подальше, частично проведя ее через горы, и на более высоком месте было построено «приморское» шоссе. Хотя после стихийного бедствия, вошедшего в историю острова под названием «Наводнение восьмого августа»¹⁴, стала страшно популярной дискуссия на тему «через десять лет многие места на острове станут морем», но для многих это все-таки казалось нереальным. Алиса считала, что унесенные стихией жизни лишь создают обманчивое впечатление, будто можно противостоять стихии.

---

¹⁴ Разрушительные наводнения в горных районах Тайваня, вызванные тихоокеанским тайфуном «Моракот» с 6 по 10 августа 2009 года.

Некоторые всего лишь персонифицируют стихию, говорят, что природа «жестока», «бесчеловечна», в общем занимаются бесполезной болтовней.

Выслушав Алису, Якобсен, бывало, проповедовал ей датскую точку зрения на эту проблему:

– На самом деле, природа не жестока. По крайней мере не особенно жестока к человеку. Природа не наносит ответный удар, поскольку то, что не обладает волей, не может «контратаковать». Природа делает только то, что должна делать. Море поднимается, ну и пусть поднимается, а мы возьмем и переедем, если придется. Если не успеем переехать, то умрем в море, станем кормом для рыб. Что тоже, как подумаешь, неплохо, так ведь?

– Неплохо?

Алиса сначала не слишком понимала Якобсена, ведь на тот момент в эту землю и в этот дом были вложены все ее деньги, даже взятые в кредит! Но понимание вроде бы постепенно приходило к ней. Короче говоря, живем так и дальше, нужно будет – обратимся в бегство, нужно будет – останемся сражаться, нужно будет – погибнем, совсем как полевые жаворонки.

А за последний год море, словно непрошеное воспоминание, в одночасье очутилось перед самым домом. В прошлом году, после Рождества, Алиса во время полного прилива даже оставила попытки входить в дом через переднюю дверь. Два раза в день прилив заключал Алису под стражу, отпуская через несколько часов. В часы большого прилива море незаметно огибало дренажную канаву и брало дом в клещи, оставляя у задней двери всякую всячину: мертвых рыб-ежей, плавучую древесину причудливых форм, обломки корабельных снастей, кости китов, клочья одежды... На следующий день, в часы отлива, Алиса открывала дверь, и ей приходилось переступать через всевозможные предметы и безжизненные останки, чтобы выйти из дома.

Местное правительство поставило Алису в известность, что этот дом, возможно, уже аварийный, что необходимо переехать. Но Алиса настояла на своем:

– Если дом смочет, я сама возьму на себя ответственность. А вы, пожалуйста, оставьте мне мою свободу, я живу здесь на законных основаниях.

В бульварном еженедельнике даже появилась заметка о «писательнице, одиноко живущей в солнечном доме на берегу моря». Достойным внимания в ней было лишь упоминание журналиста о реализованных в конструкции дома задумках Якобсена, например, о солнечных панелях, поворачивающихся за солнцем.

Даху́ и Хафа́й, хозяйка бара неподалеку, пару раз приходили уговаривать Алису, но в конце концов сдались.

– Ну и твердая же у тебя башка, все равно что клыки горного кабана, – сказал Даху́.

– Ты прав, я такая и есть. – Алиса сидела в доме и смотрела в окно на море, окутанное пепельной дымкой тумана. Она словно находилась в утробе какого-то живого организма. Домик был таким совершенным. В ее жизни не было ничего более прекрасного, чем несколько проведенных здесь лет. Все было так идеально, будто хрустальная сфера без единой неровности, словно падуб округлый без единого пожелтевшего листочка. Быть может, это все было слишком идеально, чтобы продолжать быть реальностью.

Она так никогда и не писала, сидя у «окна в море», просто тихонько сидела на том месте. У моря нет памяти, но можно сказать и наоборот: у моря есть память. Волны и камни морские неизбежно несут на себе рубцы времени. Иногда она так ненавидела море, с которым было связано столько горьких воспоминаний; иногда она так верила ему, полагалась на него, будто видела перед собой крючок без наживки: знаешь, что будет мучительно больно, но все равно заглатываешь его.

Алиса неподвижно лежала, подставив веки под идущий издалека лунный свет, и слушала шум прибоя, звучащий так, будто где-то далеко бьется стекло. Снаружи падали большие, как

звезды, капли дождя, окутывая землю и обращая все в промокшее, тревожное, текучее пространство.

В этот вечер, хотя метеобюро объявляло о том, что в ближайший год грядет сильное землетрясение, когда начало трести, многие люди в глубине души ощутили что-то вроде чувства безнадежности: «Ну вот, дожили!». Во время землетрясения каждый сантиметр дома жалобно стонал, но Алисе казалось, что лучше бы все просто погребло под руинами, и поначалу у нее совсем не возникало желания покинуть дом. Но вдруг затрясло еще сильнее, и инстинктивно она начала искать укрытие. Тут Алиса вспомнила, что она ведь сама хотела совершить самоубийство, и невольно усмехнулась. Дом, что построил Якобсен, оказался крепче, чем она себе представляла. Когда землетрясение кончилось, Алиса заметила, что только основная балка немного покосилась, но дом даже и не собирался рушиться. До самого утра, пока не начался отлив, морская вода окружала дом. Водная гладь простиралась до самого шоссе. Оттуда казалось, что дом будто бы дрейфует по морю.

Алиса подошла к окну и выглянула на улицу. Она увидела, что вода поднялась до уровня, равного примерно половине первого этажа, волны обдают стены дома. Брызги морской пены попали ей на лицо. Она вернулась к лестнице и обнаружила, что вода уже заполнила комнату, образовав небольшое озеро, рыба плавает на фоне кирпичного пола, который они с Якобсеном клали вместе. Как будто попала в огромный аквариум. У Алисы голова пошла кругом. Она протянула руку, чтобы на что-нибудь опереться, и дотронулась до висевшей рядом с лестницей рамки из палисандра. В рамке был отпечаток малюсенькой ножки Тото, сделанный сразу после его рождения. Это было напоминание самой себе о мучениях, надежде и стойкости. Алиса почувствовала, как в этот момент ее скорбь вдруг каким-то чудесным образом пропала, как будто голубое небо над этим островом навсегда исчезло без следа. Алисе стало казаться, что она, вероятно, уже умерла, так что вопрос, покончить ли с жизнью, утратил свою актуальность.

Среди этой печали, среди волн, вместе с ветром ударявших о стены дома и с каждым ударом вызывавших легкую вибрацию, она захотела вдохнуть свежего воздуха и, несколько раз едва удержавшись на ногах, потянулась туда, за окно. В этот момент она увидела, что в воде на куске плавучей древесины чуть заметно дрожит какой-то черный комочек.

Вроде котенок. Нет, не вроде, *действительно* котенок. Котенок печальными глазами смотрел на нее, и самое удивительно было то, что один глаз у него был голубой, а другой – карий.

Алиса высунулась из окна, схватила дрожащего котенка, перепуганного до такой степени, что он уже не мог больше ничему испугаться, и только беспомощно лежал в ее руках.

– Охаё, – сказала она котенку. Ей вспомнилось то утро, когда она в шутку по-японски пожелала доброго утра взвалившему на себя альпинистское снаряжение Якобсену и похожему на маленького взрослого Тото. Котенок весь промок и без конца дрожал, как бьющееся сердце. Она даже подумала, что землетрясение еще не кончилось.

Алиса взяла полотенце и вытерла котенка, нашла коробку – временное пристанище, и дала ему немного печенья. Котенок не стал есть, лишь с тревогой смотрел на нее. Насколько страшным было это землетрясение, к каким жертвам оно привело? К Алисе вернулась способность мыслить здраво, но ни телевизора, ни телефона, ни звука машин; как будто на краю мира, одна Алиса на одиноком острове, и неоткуда что-либо узнать, чтобы принять какое-либо решение. Единственным достойным внимания был этот маленький котенок. Когда его шерстка подсохла, котенок почти уверился, что самое страшное уже позади, и заснул от усталости. Сложив мягкие лапки на брюшке, он свернулся взъерошенным шерстяным калачиком. Задние лапы иногда чуть вздрагивали, как если бы он видел страшный сон.

Внезапно откуда-то раздался чудовищный грохот – бух-бух-бух-бух! Наверное, афтершоки. К Алисе вновь вернулись силы, и она вдруг рефлексивно схватила коробку и решила искать укрытие.

Всего несколько минут назад Алиса надеялась на то, что умрет, но в данный момент ее тело интуитивно стремилось выжить.

Часть третья

Глава 6

«Седьмой Сисид» Хафай

«Седьмой *Сисид*» на побережье знали почти все, и в этом, безусловно, была заслуга Хафай. Хафай не была красавицей? Судить так было бы неправильно, можно лишь сказать, что за эти годы она и вправду чуток поправилась. Но если еще точнее, малость располневшая Хафай по-прежнему блистала в определенные моменты, вот только обычным людям не слишком легко было это увидеть.

По правде говоря, хотя Хафай и готовила довольно оригинально – она всегда готовила привычные для кухни амис¹⁵ блюда из диких овощей, – кто-то любил ее стряпню, а кто-то был о ней невысокого мнения. Но в том, что касается вина, разногласий не возникало. Неужели у кого-нибудь язык повернется сказать, что вино, которое делает Хафай, скверное? Приезжающие в эти места туристы покупают только просяное вино или сливовое вино... но ведь его разливают в разноцветные высокие бутылки, упакованные в красивые коробочки. Если спросить Хафай, она скажет, что никакое это не просяное вино, а какие-то шоколадные подарочные наборы. Если же поинтересоваться у посетителей «Седьмого *Сисида*», они ответят, что это никакое не просяное вино, а обезьянья моча. Просяное вино надо разливать в кувшин, а пить из пиалы, из которой только что ел. А какое же это просяное вино, если его так упаковывают? Просяное вино в «Седьмом *Сисиде*» отличается сладким ароматом, в нем плавают неотфильтрованный осадок, пьется оно приятно и имеет сильное послевкусие, и безыскусственно-простое, и стремительно-резкое. Когда пьешь это вино, оно как будто греет и освещает все внутри.

Кроме просяного вина, в «Седьмом *Сисиде*» есть еще одна прелесть – его окна, или, вернее, его море. Дом стоит на участке *умáx* (невозделанная земля у моря), выстроен он из бамбука, который срубили в окрестных горах, ветвей лагестремии, тайваньской магнолии и камней. Со всех четырех сторон в доме есть окна, и практически из любого окна с разных углов видны непреклонные волны Тихого океана. Интерьер украшают в основном произведения, подаренные художниками из соседних селений. Правда, если спросить у Хафай, какой художник их создал, то она скажет: «Вот еще, художники! Набили животы, а потом от нечего делать понаделали разных вещей. Некоторые так вообще, поели и не заплатили, только оставили что-то в залог. Тоже мне, художники!»

Столы в «Седьмом *Сисиде*» изрезаны автографами и комментариями посетителей, а еще стихотворениями посредственных поэтов. Есть страшно вульгарные, есть более-менее ничего, а есть такие, что взглянешь, и сразу ясно – плагиат. Но вот что необычно: на каждом столе обязательно стоит блюдце с бетельными орехами. Если никто их не ест, то Хафай и не меняет, поэтому лучше просто так не хватать со стола бетельные орешки.

При всем при этом рядовые клиенты, возможно, не найдут здесь вообще ничего особенного, но отчего-то, когда Хафай проходит то туда, то сюда, ее слегка располневшая фигура придает этому месту некое удивительное очарование. Даже тончайший слой морского песка на немывтом, за редким исключением, полу, дает почувствовать себя легко. Завсегдатаи, попивая вино, обращаются к Хафай с монологами о собственной жизни, видя в этом какой-то целительный ритуал. Самое большое удовольствие от ничем не обязывающей беседы с Хафай в том, что она никогда не осуждает, если подвыпившие посетители вдруг принимаются рас-

---

¹⁵ Самый многочисленный из 16 коренных народов Тайваня.

сказывать о своих печалях, она никогда не вмешивается и не советует, но глаза под длинными ресницами дают каждому почувствовать, что Хафáй лучше других понимает его собственную печаль.

По правде сказать, всем кажется просто невероятным, что Хафáй одна на своем горбу тянет это заведение. Будто бы по вечерам на кухне, когда никто не видит, со всеми хлопотами ей помогают волшебные человечки.

А бывает, выслушав жалобы или невнятное бормотание посетителя, Хафáй начинает петь. Как это ни странно, петь Хафáй может чуть ли не на любом языке, хотя она не умеет говорить ни по-тайваньски, ни по-английски. Никто не спрашивал ее, откуда она знает эти песни, где научилась, потому что очень мало кто действительно помнит, что за песню пела Хафáй. Сам голос несет песню, глубоко проникая в душу слушающего. Голос ее превращается в семена, летящие на ветру, и вот ты и сам не знаешь, как они упали на дно твоей души. Некоторые, вернувшись в Тайбэй, садятся в метро, и вдруг слышат голос Хафáй, раздающийся в собственной голове сквозь шум поезда. И тогда ты видишь в вагоне метро человека, глядящего в окошко и роняющего слезы. Правда, Хафáй совсем не любит петь песни, и если ты захочешь заказать песню или сядешь за барную стойку и скажешь: «Хафáй, спой что-нибудь!» – то она ответит: «Я тебе дам сто долларов¹⁶, вот ты мне и спой песенку, а я послушаю!» И все те посетители, которые просили Хафáй что-нибудь спеть, впоследствии уже никогда не слышали ее песен.

Контингент в «Седьмом *Cisíde*» самый обыкновенный: друзья из соседнего селения, постояльцы ближайших гестхаусов, а еще студенты и профессора из университета Д. Хафáй знала в лицо друзей из селения, помнила большую часть профессоров и студентов, и старалась не запоминать посетителей, пришедших по рекомендациям владельцев гестхаусов, однако была очень рада гостям, проезжавшим мимо и решившим зайти, посидеть.

Хафáй не стала открывать собственный гестхаус не потому, что она сама по себе или ей не нужны были бы дополнительные деньги. Дело скорее в том, что здешние гестхаусы совсем не похожи на гестхаусы: это просто маленькие гостиницы, а открывают их приезжающие из Тайбэя эстетствующие снобы. Подобные гестхаусы выбирают, как правило, банальные и скучные люди, среди которых намного больше пошлых и надоедливых, чем тех, кто вызывал бы приязнь. Либо это семейные пары среднего класса, которые позволяют своим детям шуметь вволю, никак не сдерживая их; либо большие семьи, которые поют караоке по ночам; либо влюбленные пары, которые приезжают отдыхать, а вместо этого почти весь день занимаются сексом в своем номере. Конечно, есть еще немало пар среднего возраста, которые надеются, что путешествие снова воспламенит страсть, или тайных любовников средних лет. Разницу между теми и другими Хафáй определяет сразу, достаточно одного взгляда.

Другая причина, почему Хафáй не открыла гестхаус, состоит в том, что Хафáй ненавидит фотографироваться с посетителями. Поначалу она фотографировалась с ними, и некоторые посетители выкладывали фото в интернет, а некоторые даже присылали их Хафáй. Но когда она смотрела на эти фотографии с людьми, с которыми пообщалась всего час или два (память у нее была не очень, и Хафáй часто не могла даже вспомнить, что это за люди), то не испытывала ничего, кроме раздражения и отвращения к себе. Вот почему, когда завсегдатаи ободряли ее, предлагая открыть гестхаус, она отвечала: «Я совсем не подхожу для этого. Вообще-то большинство владельцев гестхаусов тоже не подходят для этого. Но я отличаюсь от них тем, что я об этом знаю, а они нет».

Если начистоту, Хафáй недолюбливала некоторых профессоров и студентов университета Д., особенно тех студентов, которые навевались к ней с какими-нибудь идиотскими проектами. Хафáй было известно, что старики в селении не против рассказывать истории для

---

¹⁶ Речь идет о новых тайваньских долларах.

профессоров и студентов, проводящих полевые исследования. Но старики ведь идут на это из-за одиночества, окунувшего их в воспоминания, а не из-за высоких побуждений, не ради какой-нибудь непонятной культурной преемственности. Одиночество, вот что заставляет их делиться своими историями, которые льются непрерывным потоком, как вода из крана. Поэтому Хафáй иногда представляла, что если бы она взялась за диссертацию, то первопричиной культуры, наверное, признала бы одиночество.

Алиса, безусловно, числилась в завсегдатаях «Седьмого *Cisída*». Последний год Алиса иногда одна приходила в «Седьмой *Cisída*», но только по утрам, когда других посетителей не было. Лишь очень и очень немногие постоянные посетители знали, что «Седьмой *Cisída*» не закрывается. Хафáй оставляла открытой дверцу внизу, со стороны моря, через которую в любое время можно было войти, самому налить вина или сделать кофе, нужно было только протянуть руку в отверстие и открыть засов. Бар, конечно, бывал закрыт. В это время Хафáй, видимо, не было или она спала, но «будьте как дома, у амис принято, что дом нужен для того, чтобы встречать друзей». Это был пункт второй из «Правил Седьмого *Cisída*». Пункт первый гласил: «Вино наливайте сами». Хафáй считала ворами лишь тех, кто не знал, что дверь оставлена открытой для посетителей, но все-таки заходил внутрь.

Причина, почему Алиса стала завсегдатаем, проста: от Дома на море до «Седьмого *Cisída*» идти было не больше пяти минут. В самом начале Алиса всегда приходила одна, потом стала приходиться вместе с Якобсеном. Они всегда сидели у самого левого окна, на месте, которое все называли «маяк». Дело в том, что Хафáй поставила там лампу, похожую по форме на каплю, и говорили, что далекие корабли как раз под этим углом, при хорошей видимости, замечают этот свет.

Алиса любила заказывать кофе *салáма*, а Якобсен вечно заказывал просяное вино. Он никогда не отказывал соседям, главным образом пожилым людям, что-нибудь отремонтировать или починить, человеком он был жизнерадостным и неглупым. Как знать, думала Хафáй, он, может, вообще первый датчанин, который говорил на амисском языке? Вот потому, когда родился Тото, все живущие у моря люди радовались за них. Для Якобсена не существовало тайваньских табу: и полгода не прошло после рождения Тото, как он повсюду бегал с ним, держа его на руках. У Тото глаза были удивительно прекрасного голубого цвета, но взгляд был глубокий, словно в этом младенце разом проявились и невинность, и старость.

После того как Якобсен пропал, Алиса по-прежнему иногда сама приходила в «Седьмой *Cisída*», но только по утрам, когда не было других посетителей. Она всегда садилась на старое место и глядела на море. Один раз, по-настоящему глухой ночью, наверное, боясь потревожить Хафáй, Алиса даже свет не включила. Хафáй из своей комнаты видела, как Алиса в темноте тихонько пила, подливая из кофейника уже остывший кофе, и смотрела на море. В том направлении, конечно, где Дом на море, – нет, с тех пор, как море поднялось, его теперь называют «Домом в море».

Хафáй знала, что душа Алисы угодила в западню, но до поры до времени могла лишь наблюдать со стороны, чтобы понять, как вытащить ее из ловушки. Она знала, что сейчас нельзя применять силу, потому что если дернуть мощно, живого места не останется.

Хафáй долго раздумывала и решила в пижаме выйти к Алисе и выпить с ней чашечку. Она спокойно принесла для Алисы свежий кофе, и обе даже взглядами не встретились, сидя в темноте. Хафáй взяла подаренный одним другом канделябр, сделанный из плавучей древесины, и зажгла свечу, только тогда они посмотрели в одну точку. Почему-то Хафáй почувствовала, как будто где-то рядом был *кавáс*, и это принесло ей успокоение. Так они сидели, а напротив горел огонек свечи и шумело море. Наконец Алиса заговорила:

– Извини, Хафáй, я опять незаметно залезла тайком пить твой кофе.

– Пей на здоровье, здесь все твое.

Душа Алисы покинула ее тело, которое просто сидит здесь, сохраняя остаток прежней теплоты жизни. Когда оно совсем остынет, лишь в тот день, быть может, начнется новая жизнь, или, может быть, все закончится, как опадают колоски проса. Хафáй ясно видела это, она просто видела именно это.

– Хафáй, извини, хочу задать тебе личный вопрос. А где твоя семья? – Алиса покрутила чашку в руках. – Если не хочешь отвечать, то ничего не говори, как будто ты ничего не слышала...

– Ха! Были раньше у меня родители, любимый человек раньше был, даже подумывала ребенка завести. Только не спрашивай, как звали потенциального отца.

Алиса смотрела на море, Хафáй тоже смотрела на море. Им было известно, что иногда лучше не смотреть в глаза другому человеку.

– На этом свете никто не бывает сам по себе. Не смотри, что я такая. В молодости я, ай, только сорок пять килограммов весила! Шла по улице и мужчины взглядами провожали меня. Вот только время ушло, вес прибавился, а остальное растерялось, – Хафáй добродушно улыбнулась, заразив улыбкой Алису, которая тоже через силу, как бы из вежливости улыбнулась в ответ.

– Но ведь у тебя есть этот бар.

Хафáй кивнула. Ну да, символически говоря, только благодаря «Седьмому *Cisídu*» у Хафáй есть свой скелет, свои мысли и воспоминания.

Вдвоем они пили *салáма*, кофе из бразильских бобов с добавлением сорго и особенных душистых трав, которые Хафáй собирала в горах. Многие посетители, первый раз попробовав его, не обращали внимания на это и попадали в ловушку – пили еще и еще. А выпив всю чашку, многие вдыхали аромат со дна чашки, в котором смешивались запахи леса после дождя, сумерек, гари после лесного пожара, и с того самого момента человек заказывал только этот кофе, исключений практически не бывало. Алиса поднесла чашку поближе к носу. Ее лицо, до этого закрытое, как окно, что прежде никогда не открывали, осветилось слабым лучиком света.

Ящерица остановилась прямо на подоконнике. У смотрящей в окно Хафáй засияли глаза, как будто она только что очнулась от долгого сна. Она стала петь.

И Сэра и Накау – предки всех панцах¹⁷,
В стародавние времена они жили на горе Лансан.
И Сэра и Накау – прародители панцах,
Спустились с Кошачьей горы Лансан прямо в Кивит.
А дети, которых родила Накау:
Думай Масэра, Жалау Панахай, Калу Куэр, Дабан Масэра,
Поселились у реки на севере:
Дабан Масэра стал жить в селении Чивидиан
Думай Масэра стал жить у того огромного камня,
в селении Сапат,
Жалау Панахай стал жить в Кивит,
Калу Куэр стал жить в Тафалун.

Мы дети панцах, а-а-а.
Если ты услышал ветер, ступай по реке, лицом к морю,
И ты увидишь детей панцах, а-а-а.

---

¹⁷ Панцах – самоназвание народа амис.

Слова песни были на языке амис, и Алиса не поняла ни слова. Вслед за мелодией ее воображение рисовало картины гор, листьев деревьев, а еще ветра, дующего в горном ущелье. На столе рядом с кофейной чашкой была маленькая лужица.

Некоторое время после землетрясения Хафай не видела Алису. То есть не то чтобы совсем не «видела», просто не разговаривала с ней, но, выглядывая из окна бара, могла по разным деталям угадать, дома Алиса или нет. Например, окно на втором этаже не было закрыто. Однажды ранним утром она увидела, как Алиса вылезла из окна, а потом прыгнула на самую высокую скамейку, на вторую, на третью... Морская вода спокойно окружала дом, оставляя на стенах разводы, линию за линией. Когда Алиса прыгала на скамейки, они шатались из стороны в сторону, и девушка напоминала морскую птицу, при шквальном ветре пытающуюся задержаться над морем. С наступлением сумерек Алиса возвращалась с большими и маленькими сумками в руках, но все скамейки к тому моменту уже были смыты волнами, уплыли неизвестно куда. Хафай хотелось спросить, не нужна ли Алисе помощь, но она тут же вспоминала, что Алиса никогда не принимает помощь от других, поэтому ей оставалось лишь тихо наблюдать. Алиса притянула деревянную доску, положила вещи сверху, медленно подтолкнула к окну, запрыгнула в него, а потом дотягивалась руками и забирала сумки одну за другой.

В таком доме разве можно жить?

Но однажды вечером, несколько дней назад, Хафай стало ясно, что Алиса точь-в-точь как отчаявшийся полевой жаворонок, но почему-то теперь, глядя со стороны, Алиса выглядела как-то по-другому. Хотя так сразу и не скажешь, что именно стало по-другому, но как будто бы Алиса может жить дальше. Сможет ли человек жить дальше или нет, люди вокруг него все-таки способны хоть немного почувствовать. Если же человек внезапно уходит из жизни, обязательно бывает так, что нет никого, кто бы о нем заботился. Поймав себя на этой мысли, Хафай захотела с кем-нибудь поговорить, но сегодня в баре, как назло, не было ни одного посетителя. Так что Хафай стала петь, чтобы успокоиться, а слова песни были импровизированной историей одной молодой девушки по имени Хафай.

Песня вылетела на волю, и вскоре Хафай увидела, как Алиса открыла окно и теперь держит в одной руке слабого черно-белого котенка, а другой рукой машет ей.

Охаё, – Хафай смотрела на шевелящиеся губы Алисы, и похоже было на то, что сейчас она говорит ей именно это слово. Правда, Хафай в этом не была уверена наверняка.

Глава 7

Алисин Охаё

На следующее утро после землетрясения Даху, подойдя вброд, постучал в дверь Алисы. Алиса высунула голову в окно второго этажа. Даху облегченно выдохнул. Стоявшая на дороге Ума́в издадала махала ей рукой.

– Хорошо, что с тобой все в порядке. Я рано утром два раза приходил, но тебя не видел, и машины твоей тоже не было, вот я и подумал, что все, видимо, нормально. Но все-таки волновался, так что решил проверить еще разок.

– Серьезные последствия? От землетрясения-то.

– Ну, как сказать, потрянуло не слишком сильно, но в Тайдуне на побережье морская вода нахлынула, много чего затопило. Наверное, суша просела. Уже десять лет твердят, что надо деревню переносить, теперь, наверное, и вправду будут переносить. Хотя в метеобюро сказали, что это еще не «большое землетрясение», которое они прогнозировали. Может быть, это было только предвестье. В этот раз несколько десятков человек пострадали, двум или трем совсем не повезло.

Алисе очень хотелось сострадать, но сострадать как-то не получалось. За последние десять лет землетрясения и наводнения стали более частыми, чем когда-либо. Иногда, казалось, начинался просто морозящий дождик, но когда люди выходили, даже не прихватив с собой зонтики, дождик внезапно превращался в ливень. Сейчас вообще не сезон тайфунов, и вдруг три тайфуна подряд прошли. По руслу реки, где раньше можно было пройти, сошли селевые потоки и все затопило. Противопаводковые дороги, построенные с внешней стороны дамбы, превратились в русло реки. По словам рыбаков, выходявших в море, даже береговое течение стало невозможно уловить из-за того, что везде понастроили дамб и волнопоглощающих блоков, а температура воды в каждый сезон отличается от прежней. Но нам пора бы привыкнуть к этому, не так ли? Алиса задумалась.

– Ты поднимешься? Можно через окно залезть, ой, а Ума́в как, она-то сможет?

– Ба, дверь уже не открывается? Ты не хочешь ко мне переехать... Ну, я имею в виду, безопаснее будет.

– Да ладно, пока дом стоит, я здесь хочу остаться.

– Ну да, – Даху хорошо знал нрав Алисы, и понимал, что повлиять на нее не сможет. – Тогда, может, чем помочь?

Алиса задумалась.

– Давай так, если ты в город поедешь, купи там мне чего-нибудь съестного, ладно?

– Без проблем.

Тут раздалось мяуканье.

– Что за звуки?

– Кошка, черно-белая кошка. Спасла в то утро, когда было землетрясение.

– Все нормально?

– Нормально. Подожди-ка, я щас. – Алиса пропала из окна, и через мгновение появилась с исхудавшим котенком в обнимку, черно-белым полосатиком, как бы с черной маской на мордочке. Она взяла котенка за правую лапу и, обращаясь к Ума́в, сказала:

– Гляди, Ума́в. Поздоровайся, это Охаё.

Ума́в восторженно закричала: «Вау, котенок!» Каким бы тихим ни был ребенок, при виде животных он тут же сияет от счастья, как бы ни старался скрыть эмоции.

– У него еще и глаза разного цвета!

– Ага, правильно, разного цвета. Один ясный день, другой дождливый день. Если в город поедешь, купишь там заодно кошачьего корма? Ума́в, ты можешь приходить играть с котенком, когда захочешь.

– Хорошо. Без проблем. Я сначала отвезу Ума́в к врачу, а потом уже приедем на котенка посмотреть. Ума́в, попрощайся с тетей и котенком! – Ума́в помахала рукой, и добавила:

– Правда, можно будет приехать посмотреть на котенка?

– Можно. – Даху́ пошел с Ума́в к машине, и вдруг будто вспомнил о чем-то, что уже говорил:

– Да, землетрясение может начаться в любой момент. Лето пришло, тайфуны тоже будут. В доме опасно, так что ты подумай насчет переезда к нам в селение.

Думали, что после землетрясения через какое-то время море вернется на прежнее место, но этого не произошло. Днем Даху́ привез всевозможных консервов. Ума́в, вся сияя от радости, полдня играла с Охаё. А вот Даху́ и Алиса за все это время не только почти не разговаривали, но и вообще не знали, чем заняться, только молча смотрели на девочку и котенка.

– Тетя, если глаза разного цвета, они видят мир одинаково?

Алиса пожалала плечами, не зная, как ответить на этот вопрос вне области ее познаний.

– А разве у кого-то оба глаза видят предметы одинаково?

Кажется, Ума́в всерьез задумалась над этим вопросом.

В следующие несколько дней Алиса в резиновых сапогах выходила из дома за водой только во время отлива. А чтобы можно было выйти при приливе, у окна первого этажа она расставляла стулья, табуретки и скамейки разной высоты. Когда она выходила, то сначала вылезала из окна, наступала на первый стул, потом на второй, третий, и так далее... Тень Алисы в безветренную погоду отражалась в лужах, наполненных морской водой, и со дна казалось, что пролетает птица. Но проблемы начинались тогда, когда набегали волны, опрокидывающие стулья, поэтому нужно было заново расставлять их, возвращаясь домой. Однажды она заметила, что стулья больше не падают. Оказывается, внизу они были закреплены на металлической подставке и прибиты к камням, принесенным с морского дна. Наверняка это Даху́ тайком сделал, пока ее не было дома.

Вообще-то Якобсен уже несколько лет назад заметил, что море подходит все ближе. Когда дом еще строился, он рассчитал, что от линии прилива дом был на расстоянии двадцати восьми метров и семидесяти пяти сантиметров. Через год море снова захватило часть суши, и Якобсен каждый месяц измерял расстояние, а потом как-то сказал: «Такими темпами море будет здесь. Но к тому времени, когда дом окажется под водой, нас уже давно не будет в живых».

Грунтовые воды в районе побережья почти полностью оказались засолены, колодцы пришли в негодность, и все покупали бутилированную воду. Несколько лет назад на субсидии правительства протянули трубу в океан, чтобы качать с глубины воду и затем опреснять ее. Некоторые владельцы домов купили небольшое, но довольно дорогостоящее оборудование по опреснению воды. Однако Алиса из принципа не соглашалась подключиться к трубе с водой из глубинных слоев океана, в знак протеста против частных корпораций, зарабатывающих на природе под прикрытием правительства, но никогда не возвращающих то, что взяли. Во-первых, частные корпорации, вложившие средства в опреснение воды, в прошлом инвестировали в производство бетона и добычу камня в горных карьерах. Во-вторых, они привлекли на свою сторону толпу экспертов, поручившихся, что забор глубинной воды не принесет никакого вреда экосистеме океана. Но постепенно благодаря журналистам появились вопросы. Нашлись эксперты, которые предупреждали, что из-за нарушения структуры глубинной воды нарушится солевой баланс, изменятся встречные течения, даже морской песок станет незаметно меняться. Рыбаки посчитали, что из-за всего этого уйдет рыба. Правда, никто не мог дать окончательный

ответ, к чему приведут все эти изменения, ведь взаимосвязи в экосистеме намного сложнее, чем мы себе представляем.

Пусть Якобсена и Тото уже некоторое время не было рядом, но до землетрясения Алиса все еще по привычке каждые несколько дней ходила к одному месту на горной речке за водой. Эту речку Алисе и Якобсену показал М. во время ночной съемки древесной лягушки Мольтрехта¹⁸. Хотя находится она недалеко от недавно построенного курортного отеля «Океан», но туда почти не ступала нога человека.

М. запрыгнул в овраг, чтобы подобрать ракурс получше, и сказал:

– Этот отель безвкусица страшная, правда? У вас в Европе архитектура ведь совсем не такая, да? Эх, иногда я думаю, как жаль, что дети на Тайване живут в таких низкопробных отелях и в итоге вырастают в подростков с дурным вкусом, потом становятся юношами и девушками с дурным вкусом, и наконец, взрослыми, лишенными вкуса. А ведь совсем рядом обитают такие интересные животные, на которых никто не обращает внимания.

– Ты слишком пессимистично настроен, – сказала Алиса.

– Я не пессимистично настроен, я мизантроп.

– Ну вот и славно.

– Вообще-то, я полностью согласен по поводу безвкусных отелей, – сказал Якобсен.

Ну безвкусные, и что с того? Клиенты все равно на это покупаются, так ведь? Алиса заметила, что М. похож на страдающего от психического расстройства, слишком погружен он был в собственные мысли, слишком мрачно смотрел на вещи. Больше всего он тревожился из-за романа. С тех пор, как был опубликован его предыдущий роман, прошло уже немало лет, но М. никак не мог закончить новый. Алиса понимала, что он попал в ловушку, слишком чувствительно воспринимая критику со стороны горстки читателей, их мнения по поводу созданного им мира. К тому же он был слишком удручен положением дел в современной литературе. Алисе казалось, что в такой ситуации оставалось только ждать, других вариантов просто не было. Хороший прозаик, как фокусник-иллюзионист, сможет совершить побег, а плохой писатель так и задохнется на дне аквариума, и никто не сможет его спасти.

---

¹⁸ Арнольд Карлович Мольтрехт (1873–1952) был одним из первых в Российской империи исследователей живой природы Тайваня, где он побывал в 1908 году. В честь него были названы бабочки и некоторые животные острова Тайвань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.